

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

АВАРИЯ, ДОЧЬ МЕНТА

Юрий Коротков

Сделано в СССР. Любимый детектив

Юрий Коротков

Авария, дочь мента (сборник)

«ВЕЧЕ»

2016

Коротков Ю. М.

Авария, дочь мента (сборник) / Ю. М. Коротков — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4444-8664-1

В книгу известного российского сценариста, писателя Юрия Марксовича Короткова (1955 г. р.) вошли его увлекательные остросюжетные повести разного жанра. Среди них и боевик «Авария, дочь мента» – о конфликте отца и дочери, предопределенном сменой эпох в лихие 90-е. Лихая жизнь доводит школьницу Аварию (Валерию) до группового изнасилования бандой мажоров, и это несчастье примиряет ее с отцом. И теперь он – простой милиционер Алексей Николаев – мстит насильникам, пренебрегая законом, на страже которого всегда стоял... Одноименный фильм был снят в 1989 году режиссером Михаилом Туманишвили, в главных ролях: Оксана Арбузова, Владимир Ильин, Любовь Соколова. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-4444-8664-1

© Коротков Ю. М., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Авария, дочь мента	6
Спас ярое око	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юрий Марксович Коротков
Авария, дочь мента
Сборник

© Коротков Ю.М., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Авария, дочь мента

В витрине универмага – огромном аквариуме, наполненном голубоватым безжизненным светом, – стояли манекены, юноши и девушки: аккуратные, нарядные, с иголки, со счастливыми улыбками на розовых лицах. Растопырив матовые пальчики, манекены смотрели на суету вечернего проспекта за стеклом. Там, за стеклом, была ранняя весна, черные от копоти кружева последнего снега, зыбкие блики фонарей на мокром асфальте; спешили куда-то усталые серые люди, и бесконечным потоком летели машины.

У витрины тусовалась команда металлистов – курили, дурачились и радостно гоготали на всю улицу. Долговязый парень с плеером, блаженно прикрыв глаза, отбивал по коленям бешеный ритм. В центре компании крутилась, толкалась с ребятами девчонка с торчащими ежиком ядовито-желтыми волосами, черными тенями до висков, кроваво-красной помадой на губах.

В голубом аквариумном свете поблескивали цепи, бляхи на черных кожаных куртках, тупые шипы на ошейниках и перчатках с обрезанными пальцами. Прохожие, неприязненно оглядываясь, огибали шумную тусовку.

У тротуара напротив компании остановился патрульный «москвич» ГАИ. Старлей-гаишник молча врезался в тусовку, схватил желтоволосую девчонку за рукав и потащил к машине. Опешившая было компания угрожающе загудела:

– Ты, мент!

– А чего она?! За что?

– В чем дело-то вообще?

Кругом тотчас собралась толпа.

– Правильно! Всех заберите!

– Ну, наконец-то! А то проходу нет!

– Чего? Чего орешь? – Металлисты заняли круговую оборону. – Мы тебя трогали?

– Я бы тебе тронул!

– Ты! Чего выступаешь-то?

– Не тычь! Вот на цепь на твою тебя посадить!

В перепалке не принимали участия только старлей и девчонка. Старлей волок девчонку к машине, та молча отбивалась острыми кулаками.

Легко рассекая толпу зрителей, вперед протиснулись четверо аккуратно стриженных парней с одинаковыми невыразительными лицами и мощными квадратными фигурами. Спрятав руки в карманы коротких курток, они спокойно наблюдали за развитием событий.

– Эй, помочь? – окликнул один из них старлей.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но девчонка вдруг так же молча вырвалась и сама села в машину. Старлей завел мотор, и «москвич» рванул с места.

Толпа рассосалась. Квадратные еще некоторое время плечом к плечу стояли напротив металлистов, потом неторопливо двинулись дальше по проспекту. Металлисты направились в другую сторону.

Манекены – юноши и девушки с безоблачными лицами – радостно улыбались в пространство.

Девчонка угрюмо нахохлилась рядом со старлеем.

– Я тебя предупреждал? Предупреждал? – старлей раздраженно рванул заевший рычаг. – Вырядилась как... как пугало! А ну, снимай, дрянь! Снимай, говорю!

Он схватил свободной рукой цепь на шее у девчонки, та вцепилась ногтями ему в ладонь. Машина пошла зигзагами, слева и справа засигналили, замигали фарами.

– Пусти! – девчонка наконец освободилась. – У всех предки как предки, только у меня – дурак в португее! Стой! – она распахнула дверцу и занесла ногу над дорогой. – Стой или прыгну!

Старлей едва успел нажать на тормоз. «Москвич» развернуло поперек улицы, идущие следом машины завизжали шинами, объезжая его. Девчонка выскочила и побежала к тротуару.

– Валерка, вернись! Валерка! – старлей бессильно ударил кулаком по рулевому колесу.

Валерка догнала своих около метро, компания встретила ее ликующим воплем. Толкаясь, молотя друг друга кулаками по кожаным спинам, орда металлистов ввалилась в вагон.

Валерка повисла на шее у долговязого, они принялись целоваться. Компания хохотала, растаскивая их, Валерка, сдерживая смех, отбивалась локтями.

Сидящий напротив древний старик с высохшим, мертвенно-бледным лицом, с орденскими планками в пять рядов на застиранном пиджаке гневно стукнул клюкой об пол.

– Что же вы делаете, развратники! – с трудом выговорил он, мелко тряся головой. – Здесь же дети! Бесстыжие!

Валерка подскочила к нему и наклонилась, подставив ухо.

– Как же вам не стыдно, а еще девушка...

– В крематорий, дедушка! В крематорий! – категорически сказала Валерка.

Компания заржала.

– Совсем совесть потеряли! – возмутились пассажиры. – Договорись сейчас! Хоть старость бы уважали!

Двери открылись, и металлисты с хохотом высыпали на перрон.

На площадке перед Дворцом спорта толпились безбилетные поклонники металла. Валерку тут знали все:

– Йа-х-ха, Авария! Авария, привет!

Безбилетники, как обычно, вели нудные безнадежные переговоры с билетерами и дружинниками. Валерка быстро оценила обстановку, выплюнула жвачку и кивнула своим. Они дружно навалились на спины стоящих впереди, оттеснили контроль и проскочили во Дворец. Всего прорвалось человек пятьдесят.

Организаторы, наученные горьким опытом, оставляли на случай прорыва свободные ряды, все расселись, вошел наряд милиции, оцепил зал, и концерт начался.

Через полчаса дворец стоял на ушах. Сцена была окутана дымом, как поле боя, дым упругими волнами отскакивал от грохочущих колонок, полыхали прожекторы, ударник из последних сил отбивался от разнокалиберных барабанов. Зрители орали, прыгали, хлопали, подняв ладони над головой. Валерка, вскочив с места, раскручивала цепь как прашу.

Милиционер, стоящий ближе других к сцене, под самыми колонками, угрюмо оглядывал зал, страдальчески морщась от боли в перепонках. Видно было, что он с наслаждением выволок бы каждого из полутора тысяч крикунов на свежий воздух, но... Он взглянул на застывшего поодаль офицера – тот с каменным лицом смотрел поверх голов, заложив руки за спину.

Кто-то уже залез ногами на подлокотники кресла, тотчас полезли остальные. Стриженная чуть не наголо девчонка извлекла из пакета медные тарелки и самозабвенно лупила в них, где-то в глубине зала в такт музыке заливался милицейский свисток.

Милиционеры, стоящие вдоль стен, молча переглядывались.

Группа наддала еще, и Валерка сорвалась с места, вылетела к сцене.

– Авария-а-а! – радостно заревел зал.

Солист группы подбежал к краю сцены, они с Валеркой встали напротив, синхронно раскачиваясь. Еще несколько ребят присоединились к Валерке, запрудив проход.

Милиционер подошел к офицеру, прокричал на ухо:

– Сделать замечание?

Тот досадливо помотал головой, огляделся, отыскал глазами старшего из дружинников, приземистого крепкого парня лет тридцати, и чуть заметно кивнул ему.

Дружинники ринулись по проходу, начали растаскивать танцующих. Те упирались:

– А что? В чем дело-то?

– Сядьте на места! По местам! А то выведем всех!

– А за что?! Хотим – и танцуем! Никому не мешаем!

– Сядь, говорю! Я тебе потолкаюсь!

– А ты кто такой, вообще?

– Я – народная дружина. А вот ты кто такой!

– Убери щупальца, ты! – Валерка отпихнула старшего.

Группа все накручивала обороты в бешеном ритме.

– Ну все! Если по-хорошему... Выводи их! – скомандовал старший. – Пойдем-пойдем! Там разберемся, – он схватил Валерку за локоть. Та с силой оттолкнула его, тогда он привычным движением сгреб ее за ворот.

Дружина и тусовщики толкались – пока еще ладонями, но драка назревала. И тут подошла милиция. Тусовку скрутили и поволокли к выходу. Зал засвистел, загрохотал ногами. Музыканты внезапно сменили ритм и грянули известный всем припев:

Порядок есть порядок! Куда! Сидеть!

Молчать! Не хлопать! Не плясать! Не петь!

Милиционер – в рок-клубе!

Милиционер – в рок-клубе!

Милиционер – в рок-клубе!

– Ми! ли! ци! о! нер!!! – подхватил зал в полторы тысячи глоток.

Дружинники и милиция протащили тусовщиков через пустой вестибюль и стали рассаживать по машинам.

Стоящие у входа квадратные парни с одинаковыми невыразительными лицами спокойно наблюдали за суетой.

Старлей-гаишник оставил патрульный «москвич» у отделения милиции, вошел и наклонился к окошечку дежурного.

– Вызывали?

Дежурный удивленно глянул на него:

– Не понял.

– Дочь моя у вас?

– Фамилия?

– Николаев.

– Да нет, дочери.

– Ну, Николаева. Валерия.

– А-а, – усмехнулся дежурный. – Заходите, товарищ старший лейтенант! – Он нажал кнопку на пульте, обитая жестью дверь со щелчком открылась.

Валерка и четверо ребят сидели на жесткой скамье. Капитан с университетским ромбом на кителе писал, склонившись над столом.

– Николаевой отец, – объявил дежурный из-за стеклянной перегородки.

– А-а, – капитан иронически оглядел здорового, с бычьей шеей и красным обветренным лицом гаишника. – Вот, старлей, протокол пишу.

– Пишите-пишите! – воинственно сказала Валерка. – Мы тоже напишем. Незаконное задержание.

– Грамотная! – кивнул капитан на нее. – Все грамотные стали, не тронь...

– А что? Какие у вас инструкции были? – крикнула Валерка.

– У нас одна инструкция – охрана правопорядка!

– А мы что, нарушали? – тотчас наперебой закричали тусовщики. – Мы никому не мешали! Не имеете права! Хотим – танцуем!

– А вы задержаны не за танцы, – оборвал капитан. – А за сопротивление дружинникам.

– Мы, что ли, начали?

– Вы обязаны были подчиниться требованию, выйти, а там уж, если хотите, обжаловать...

В общем так, старлей, оформляем привод и передаем документы в детскую комнату. – Капитан взял бланк протокола и ушел в соседний кабинет.

– Да хоть в ЦРУ передавай! – заорала вслед Валерка.

Николаев, играя желваками, глянул на нее и двинулся за капитаном.

– Это... можно без протокола... на первый раз? – глядя в сторону, попросил он. – Что уж тут такого случилось? У вас тоже, наверное, лети...

– Мой сын в математической школе учится, – резко обернулся капитан. – Дома по вечерам с учебниками. На улицу не выгонишь – вот этих, – он мотнул головой в сторону дежурки, – боится... Воспитывать надо, старлей! Воспитывать! А то они уже вот здесь сидят! – Он ожесточенно постучал себя по шее и снова склонился над какими-то бумагами.

Николаев молча смотрел в его аккуратно подстриженный затылок с примятыми по кругу фуражкой волосами.

– Ладно, – не оборачиваясь, сказал капитан. – Забирай свою.

Николаев вышел в дежурку, кивнул дочери:

– Пошли!

– Не пойду! Пока всех не выпустят!

Николаев схватил ее за руку, выволок из отделения, толкнул с крыльца и замахнулся.

Валерка, вытянувшись, опустив напряженные руки, с такой ненавистью смотрела ему в глаза, что Николаев замер с поднятой ладонью.

– Ну? – сквозь зубы сказала она. – Только ударь...

– Садись, – Николаев подтолкнул ее к машине.

Сел за руль, со скрежетом врубил заедающую передачу. Когда отъехали, мрачно сказал:

– Дома будешь сидеть. Из школы – домой. Нагулялась, чучело!

На следующий день Николаев был свободен, он загодя подъехал к школе и стал ждать, облокотившись на крышу своего потрепанного жигуленка.

Прогремел звонок, из дверей школы толпой повалили младшие классы, разбегаясь на две стороны, к метро и на троллейбус. Вскоре появилась Валерка с компанией одноклассников. Они потусовались у крыльца, ребята закуривали прямо под школьными окнами. Мимо прошел учитель, с ним попрощались, не вынимая сигарету из рта.

Николаев покачал головой – в его время курили в дальнем углу школьного двора, выставляя кого-нибудь «на стрему».

Валерка повела глазами в сторону, заметила отца, зло сжала губы и отвернулась. Деловито стрельнула у ребят сигарету и картинно, так, чтобы видел отец, прикурила. Курить она явно не умела, набирала дыму в рот и выпускала тонкой струйкой, потом случайно вдохнула и закашлялась.

Николаев невольно улыбнулся.

Компания двинулась через улицу к метро, Валерка помахала им и пошла по тротуару.

– Садись, – кивнул Николаев, когда дочь поравнялась с ним.

Валерка, не удостоив его взглядом, прошла мимо.

Николаев сел в машину и на первой скорости покатыл за дочерью. Она мельком оглянулась на него и преувеличенно-радостно бросилась навстречу двум подружкам. Из сумки

появился журнал мод, началось обсуждение последних моделей. Валерка через плечо ехидно глянула на отца. Тот терпеливо ждал.

Вскоре разговор Валерке наскучил, и она двинулась дальше. Николаев поехал следом.

Дочь неторопливо шагала по тротуару, короткая голубая юбка раскачивалась в такт шагам. Николаев заметил, что многие мужчины обращают на дочь внимание, кое-кто оборачивается, поглядывает на ноги. Он занервничал в машине, испепеляя взглядом похотливых негодяев. А Валерка спокойно шла впереди, придерживая у бедра сумку. И вдруг сорвалась с места, метнулась за угол.

Николаев среагировал с опозданием, рванул так, что прокрутились колеса и машину занесло на повороте. Поперечная улица была пуста. Николаев обернулся: Валерка, остановившись сразу за углом, невозмутимо подтягивала гольфы. Николаев ударил по тормозам. Водитель встречного «запорожца» выразительно постучал себя пальцем по лбу.

Валерка выпрямилась, прикусив губу, чтобы удержать злорадную ухмылку, и как ни в чем не бывало направилась к дому.

Она прошла через двор. Николаев ехал в трех метрах сзади. Запер машину и следом за дочерью вошел в подъезд.

Мать, открывшая дверь, подозрительно повела носом.

– А ну, погоди... – она придвинулась вплотную к дочери. – Ты что, куришь?

– Нет, только пью и колюсь, – спокойно ответила Валерка и скрылась в своей комнате.

– Как ты со мной разговариваешь?

– Ну что ты с порога начинаешь? – негромко сказал Николаев. – Дверь не успела открыться...

Обедали все вместе, что случалось редко. Мать сновала между столом и плитой, дед вдумчиво ел суп, Валерка скучно жевала бутерброд, глядя в окно. Николаев искоса поглядывал на нее.

– Как в школе? – наконец спросил он.

– Чего это ты вдруг?

– Ну... интересно все-таки, как учится моя дочь.

– Нормально, – пожала плечами Валерка.

За столом снова стало тихо. Дед расправился с супом и аккуратно положил ложку на кусочек хлеба.

– Заказы завтра дают, – сообщил он.

– Для участников Куликовской битвы, – вставила Валерка.

– Помолчи, – прикрикнула на нее мать. – А что будет?

– Сервелат обещали и гречку. Ну и как обычно...

– Слышь, дед, – сказала Валерка. – Знаешь, для ветеранов новые льготы ввели?

– Какие? – настороженно спросил дед.

– Вам теперь можно улицу переходить на красный свет и заплывать за буйки. – Валерка заржала.

– Ты замолчишь или нет? – крикнула мать.

– Спасибо! Спасибо! – закивал дед. – Чему вас только в школе учат? Смешно, да? Ну, посмейся.

– А кстати, – мирно сказал Николаев. – Что проходите?

– Всего понемножку.

– Ну, например? – все пытался завязать разговор Николаев.

– Например?... – Валерка подняла глаза к потолку. – Ну, например, знаешь первый признак беременности?

– Н-нет, – неуверенно сказал Николаев.

– Это когда в школу не хочется...

Мать поперхнулась чаем. Опешивший Николаев невольно глянул на живот дочери. Валерка невозмутимо собирала хлебом подливу с тарелки.

После обеда она нехотя проямлила что-то вроде «спасибо» и исчезла в своей комнате, забрав с собой телефон. Николаев видел дочь редко, когда заставал ее дома после школы или поздним вечером, когда она возвращалась с тусовки. Обычно она сидела у себя с учебниками или валялась на диване с наушниками и, если ее не трогали, могла за день не произнести ни слова.

После новостей по ящику начался концерт. Валерка уселась в проходной комнате перед телевизором в коротком халате, привычно подтянув одно колено к груди, молотила зубами жвачку, пускала пузыри и отбивала ладонями по стулу и пяткой по полу бешеный ритм.

– Одерни, заголилась! – сказала мать, пробегая через комнату.

– А чего? – Валерка задрала халат и оглядела узкие трусики. – Турция. Оч-чень сексуальные!

– Эх, бесстыжая, – мать укоризненно покачала головой. – И в школе так же?

– Ага.

Через минуту мать снова заглянула в комнату.

– Да сделай ты тише!

Валерка никак не отреагировала.

Мать снова распахнула дверь:

– Я к кому обращаюсь? К стене?! – прошла к телевизору, приглушила звук.

Валерка дождалась, пока она выйдет, не вставая дотянулась до телевизора и снова врубила на полную громкость.

– Нет, я так больше не могу! Она специально! Алексей! – мать побежала жаловаться отцу.

Николаев решительно вошел в комнату. Валерка, не меняя позы, скосила глаза, настороженно следя за ним. Отец направился было к телевизору, потом вдруг взял стул и сел рядом с дочерью, скрестив руки на груди.

– Это какой ансамбль? – спросил он.

– Группа, – сквозь жвачку поправила Валерка.

– Что за группа?

– «Ария».

На экране размалеванные во все цвета радуги, уже далеко не юные мужики с растрепанными волосьями скакали по сцене, визжали и дергались в конвульсиях, будто совершая непристойный акт с болтающимися на животах гитарами.

Николаев усмехнулся.

– Нравится?

– Угу! – утвердительно кивнула Валерка, не отрываясь от экрана.

Между тем двое гитаристов подскочили друг к другу и, изогнувшись, прислонились спинами, радостно улыбаясь в зал.

Николаев начал раздражаться, засопел, ерзая на стуле, поглядывая на Валерку.

– Дебильство какое-то! – наконец не выдержал он. – Я не пойму – тебе это действительно нравится или придуриваешься?

– Мне нравится все, что не нравится вам, – спокойно ответила Валерка. – А что вас злит – так это я вообще тащусь!

– Что за выражение! – сорвался Николаев.

– Ха-а! – Валерка аж подскочила от удовольствия. – Я тащусь!

– Валерия!

Дрянная девчонка, кривляясь и пританцовывая, направилась в свою комнату, громко распевая:

В детском саде малыши
Накурились анаши —
Тащимся! Тащимся!
Тащимся! Тащимся!

Николаев бросился за ней, но Валерка юркнула к себе и подперла дверь креслом.

Историчка с допотопным пучком седых волос на затылке рассказывала о наступлении Антанты, водя указкой по стрелкам на карте. Валерка сидела за последним столом, развалившись, вытянув ноги. Ее соседка Лена, милая курносая девчонка с высокой кружевной стойкой на блузке, внимательно слушала – она шла на золотую медаль и до дурноты, до головных болей и бессонницы боялась грядущих экзаменов.

– Слышь, Авария, – прошептал с соседнего ряда Киселев, грубоватый парень со сросшимися на переносице бровями и оттого вечно хмурым лицом. – Правда, «Проходной двор» в МАДИ выступает?

Валерка кивнула.

– Во сколько?

– В семь.

– Ты пойдешь?

– Если черепа из дома выпустят.

Историчка глянула на них, но сделать замечание не решилась.

– Валер, – чуть слышно прошептала Лена, не поворачивая головы, – она на тебя смотрит...

– Ну и что? – громко спросила Валерка.

Лена испуганно сжалась.

– Необыкновенно хочется мороженого, – сказал Кирилл, рослый сосед Киселева. – К чему бы это вдруг?

– К смерти, – откликнулся с другого ряда Пухлый.

– А правда, сейчас бы граммчиков двести...

– Полкило.

– Кто больше?

– Во сколько перерыв в стекляшке? – спросила Валерка.

– В час.

Валерка глянула на часы и встала.

– Вера Николаевна! – прервала она историчку. – Можно вопрос?

– Вопросы в конце урока, – торопливо сказала та.

– Нет, серьезный вопрос: вы одобряете политику партии?

– В каком смысле? – напряглась историчка.

– Ну вот вам нравится то, что происходит? Ну, гласность, правду в газетах пишут...

– Что значит – нравится, не нравится, – строго сказала историчка. – Это курс партии.

– Да нет, я не о том. Вот вам, лично вам, все это нравится?

– А я себя не отделяю от партии.

– Интересная постановка вопроса, – поднялся Кирилл, как всегда рисуясь, как бы нехотя, через силу роняя слова, дирижируя себе сложенными щепотью пальцами. – То есть вы признаете, что не имеете собственного мнения на происходящие в стране события? То есть являетесь слепым исполнителем чужой воли?

– Хватит демагогию разводить! – прикрикнула историчка. – Нахватались вершков и беретесь судить...

– При чем тут демагогия? – возмутился Кирилл. – Я логически развиваю вашу мысль.

– Я помню, вы нас на «Малую землю» водили, в театр, – сказала Валерка. – В четвертом классе. И заставляли наизусть учить.

– А я до сих пор помню. Почитать? – радостно предложил Пухлый.

– «Гениальное, эпохальное, историческое произведение!» – подхватил Киселев.

– Тогда все учили, не только вы, – беспомощно сказала историчка.

– Дело не в этом, – сказал Кирилл. – Вчера вы говорили одно, завтра будете утверждать другое. Так почему мы сегодня должны вам верить?

– Вотум недоверия! Кто за?

Класс зашумел, тут и там поднялись руки.

– Выйдите из класса! – велела историчка.

– За что? – изумилась Валерка. – Мы что, молча должны слушать?

– Это не метод ведения дискуссии! – сказал Кирилл.

– А я с вами тут не дискутирую! – сорвалась на крик историчка. – Я урок веду! А вы мне мешаете! Выйдите отсюда!

– Ну-у, – Кирилл картинно развел руками. – Тогда извините, – он с видом оскорбленной добродетели направился к двери.

Следом потянулись остальные. За столами осталось всего человек пять. Историчка, нервно теребя отворот платья, смотрела на уходящих.

– Ну? – жалко крикнула она. – Кто еще? Идите, идите! Я никого не держу!

В коридоре Валерка деловито выгребла из кармана мелочь:

– Давай, у кого сколько?

Гробить второй вечер подряд Валерка не собиралась. Она долго ждала, не свалит ли отец на дежурство, но черепа плотно засели на кухне.

Она накрутилась в комнате – густые черные тени до висков и яркие пятна румян, натянула куртку и кожаные браслеты и, придерживая на шее цепь, подкралась к двери.

Но мать бдительно пасла ее:

– Ку-уда!

– Гулять.

– Отгулялась! Садись есть!

– Не хочу! – буркнула Валерка.

– А то я тебя спрашивать буду! Сказала – садись!

Валерка, насупившись, прошла на кухню и села, демонстративно брякнув цепью.

– Накрасилась, как папуаска! – мать поставила перед ней тарелку. Валерка отвернулась.

– Не сидела на воде без хлеба, – сказал дед.

– Ты сидел!

– Я сидел, – строго глянул сквозь очки дед. – И знаю, сколько кусок хлеба стоит!

– Сколько заказы твои стоят – знаешь!

– А ну цыц! – крикнула мать.

Валерка, презрительно скривившись, откинулась к стене и принялась напевать что-то, барабанив ладонями по стулу.

Дед, поправив очки, снова поднес карандаш к исписанному мелкими циферками листочку.

– Значит, на холодильники запись с начала месяца...

– Куда нам еще один? – сказал Николаев.

– «Розенлев», – со значением произнес дед.

– А сестре? – сказала мать. – Да продать всегда можно. Сколько он?

– Девятьсот.

– Сестра уже год просит. Или новый оставим, а им этот... А со стенкой что слышно, пап?

– «Ольховка» была и «Спутник». – Дед ткнул карандашом в другую строчку. – Там заведующая ветеранов в общую очередь рассовала. Совет будет разбираться, в исполком пойдем. А я у мебельного с мужчиной разговаривал – ему стиральная машина нужна, а он может со стенкой помочь...

Валерка перестала стучать по стулу и с интересом разглядывала цифры на листочке.

– Дед, а ты кроссы можешь достать?

– Кроссовки? Если только по случаю угадать, когда выкинут, – важно сказал дед. – Записи-то нет. Я поговорю с нашими, если кто купит...

– Дед, а ты правда в разведке служил? – перебила Валерка.

– Да. А что?

– А знаешь, дед, – Валерка хлопнула его по жидкому плечу, – я бы с тобой в разведку не пошла. Продал бы!

– Я... я... – у того аж дыхание перехватило.

– Ты что несешь! – крикнул Николаев.

– ...я всю войну...

– Хотя какое-то уважение ты можешь иметь?!

– ...я своих на себе выносил...

– А что! – крикнула Валерка, вскакивая. – Куда ни глянь – стоят, орденами трясут! Группа клевая придет – билетов не достать, герои раскупили, а потом по червонцу толкают!

– Я мои права заслужил! – дед замолотил кулаками по столу. – Я такое видел, что тебе не снилось!

– Что ты видел? Призвали – пошел! Сейчас война – наши бы пошли!

– За тебя, дрянь, воевал! Чтобы ты, дрянь, жила! И ты же мне...

– Уйди! Уйди с глаз долой! – мать выталкивала Валерку в коридор.

– Что я, сказать не могу? Да? – заорала Валерка. – Слушай, дед! Хочешь серьезно? – переводя дыхание, сказала она. – Ты что думаешь, я дура? Не знаю ничего?

– Не слушаю! – кричал дед.

– Что ты воевал – все воевали, – повысила голос Валерка, пытаясь быть услышанной. – А когда перед войной судили людей ни за что и расстреливали, мальчики с горящими глазами кричали: «Смерть бешеным собакам»...

– Не слушаю!

– Так вот, дед, чтобы я тебя уважала, я должна знать, что это не ты кричал! – закончила Валерка.

– Сопли подотри! – закричал дед. – Судья нашлась! Тогда порядок был! И работали! И войну потому выиграла! А сейчас не дай бог грянет!

– Да уйди ты, ради бога! – кричала мать.

– Пишут, писатели! А они, – дед упер палец в Валерку, – читают!

– Да пойми ты! – пытался перекричать деда Николаев. – Это вы сейчас все знаете, а тогда ведь не знал никто!

– Не знал?! – лихорадочно блестя глазами, крикнула Валерка. – Людей убивали – он не знал! Страну грабили – ты не знал! Некогда было – тройки на перекрестке стрелял!

Николаев рванулся было к ней, едва сдержался. Но тут взвилась мать:

– Что-о? А ну, снимай все с себя! – она вцепилась в Валерку, пытаясь стащить с нее куртку. – Рубля не заработала! Тварь неблагодарная! Ничего твоего нет!

Валерка кинулась в комнату, выгребла из шкафа охапку тряпья и швырнула в лицо матери:

– На, подавись!

Мать, путаясь в джинсах, кофтах, лифчиках, бросилась на Валерку, но та уже распахнула дверь и вылетела из квартиры.

– Убирайся, тварь! Пошла вон! – Мать выбежала следом на лестницу и закричала в глухую темноту подъезда: – И не возвращайся! Под забором будешь ночевать!

Валерка быстро шагала по вечерней улице. Когда проходила мимо остановки, подъехал троллейбус, и она, не взглянув даже на номер, запрыгнула в заднюю дверь. Прислонилась лбом к холодному стеклу, пытаясь успокоиться. Потом повернулась в салон, привалившись спиной к поручню.

Несмотря на поздний час, троллейбус был полон. Усталые серые люди смотрели в разные стороны.

– Ваш билетик? – проталкивалась между пассажирами пожилая и тоже усталая контролерша. – Разрешите... Контроль. Приготовим билетики... Ваш билетик? – повернулась она к Валерке, показывая прикрепленный к руке резинкой контролерский жетон.

Валерка не глядя сунула руку в карман и тут же вспомнила, что забыла проездной в школьной форме.

– В другой куртке... проездной...

– Три рубля штраф, – равнодушно сказала контролерша.

Валерка, презрительно усмехнувшись, снова сунула руку в карман, где в целлофановой обложке проездного должен был лежать дежурный тroyак.

– Деньги тоже в другой куртке? – язвительно спросила контролерша. – На штукатурку хватает, а на талон пять копеек жалко! – обернулась она за поддержкой к пассажирам.

– Да что с ними говорить! В отделение ее отведите! – тотчас откликнулся кто-то.

– В зоопарк! Самое место! – подала голос тетка в больших затемненных очках.

– Как на улицу-то выходят! Сидели бы в подворотне!

Троллейбус загудел как потревоженный улей, внезапно исчезла сонная пустота в глазах – пассажиры дружно объединились против Валерки. Она стояла, сжав кулаки, ожесточенно оглядывая обращенные к ней лица, – одна против всех.

– Нацепила металлолома, думает, дороже стоит! – покрывала всех тетка в очках.

– Ну ты, очкастая! – крикнула Валерка. – Я тебя трогала?

– Хамье! «Очкастая»! На себя посмотри!

– Ну и заткни пасть!

Тут уж пассажиры окончательно вышли из себя, кто-то прорывался на заднюю площадку, чтобы помочь доставить Валерку в милицию и быть свидетелем. Контролерша цепко ухватила ее за локоть и потащила к двери.

– Послушайте, вы! – поднялся с места молчавший до этого мужчина в кожаном плаще, с дипломатом в руках. – Вот вам три рубля, – он протянул контролерше тroyак, – и хватит здесь судилище устраивать!

– Чего это? – опешила контролерша.

– Денег много? На такси бы ездил! – тотчас перекинулся на него праведный гнев пассажиров. – Вот обоих и отведите! Защитник нашелся!

– Правильно! Она как раз тroyак и стоит! – усмехнулась очкастая.

Валерка молча рванулась к ней, но мужчина в плаще перехватил ее и вытянул за собой в открывшиеся двери.

Троллейбус отъехал, они остались вдвоем на пустой остановке.

– Что за страна! – в сердцах сказал мужчина. – Хоть мизерная, но власть! Хоть на пяточке, но король! Каждый лакей – диктатор! Швейцар – господь бог!..

Валерка стояла напротив, опустив голову. Мужчина взглянул на нее.

– Ты куда ехала?

Валерка пожала плечами.

– А где живешь?

Она неопределенно повела головой.

– Что, в свободном полете?

Валерка кивнула.

– А я здесь живу, – мужчина указал на соседний дом, кирпичную башню с большими окнами.

Они постояли молча, потом мужчина неуверенно предложил:

– Может, зайдешь?

Валерка безразлично пожала плечами.

– Пойдем, – мужчина двинулся к дому. – Надо отметить маленькую победу в большой борьбе за человеческое достоинство.

Валерка направилась за ним.

Повесив куртку и стащив ногу об ногу кроссовки, она вошла в комнату, остановилась у порога, сунув руки в карманы.

– Ништяк у вас хата!

– Стараюсь, – улыбнулся мужчина. Он включил музыкальный центр, вынул наугад кассету из стеллажа, поставил какую-то джазовую инструментовку. – Располагайся, я сейчас, – он ушел на кухню.

Валерка вразвалку прошлась по комнате. Хата была действительно клевая: мебель с резьбой под старину, как в толстом немецком каталоге, мягкие кожаные кресла, на стенах иконы, африканские маски и фотографии актеров с подписью: «Милой Наташе от...» В коридоре книги от пола до потолка с двух сторон – если по всем Валеркиным знакомым собрать, все равно столько не наберешь.

Из кухни слышался звон посуды, мягкий шлепок дверцы холодильника.

– Ты голодная? – крикнул хозяин.

Валерка на цыпочках прошла по коридору, воровато заглянула в другую комнату. Это была спальня, ее почти целиком занимала кровать с резными спинками – что вдоль ложись, что поперек. Зато в третьей был нормальный человеческий бардак: на столе учебники вперемешку с кассетами, под стулом джинсы, над диваном битлы и Гребенщиков.

– Кстати, как тебя зовут?

Валерка кинулась обратно, чтобы ответить из гостиной. Поскользнулась на лакированном паркете, грохнулась и быстро вскочила, потирая ушибленную задницу.

– Валера!.. А вас?

– Андрей.

– А по отчеству?

– Знаешь... – хозяин появился в комнате, держа в руках вазочки с мороженым, украшенным ананасовыми компотными дольками. – Давай попробуем обойтись без отчества.

– А сколько вам лет?

– Ну, скажем, тридцать восемь.

Валерка присвистнула.

– Как отцу... Это откуда? – указала она на маски.

Андрей оглянулся, доставая из бара рюмки и коньяк.

– В Тунисе работал...

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя.
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман
И верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя, —

продекламировал он. – Чье?

– Откуда я знаю? – Валерка, раскинув руки, рухнула в кресло.

– Правильно, – одобрительно сказал Андрей. – Зачем нам Гумилев на корабле современности!

– На одного из наших похож, – указала Валерка на самую страшную маску с выпученными бельмами и квадратным ртом. – Копия!

Андрей с удовольствием захохотал. Он открыл бутылку, но Валерка тотчас отдернула свой хрустальный наперсток:

– Я не буду.

– Почему?

– А зачем?

– Действительно – зачем? – с серьезным видом задумался Андрей. – Бессмысленно. «Все пьяные поют одним голосом, и кажется, что одну и ту же песню». Или что-то в этом роде. Но если ты не возражаешь, я все-таки немного выпью. Снимает стресс...

Валерка сидела, развалившись в кресле, подтянув колено к груди. Андрей с интересом следил за каждым ее движением и улыбался.

– Где она еще может быть? – Мать швырнула трубку телефона. – Я так больше не могу... – Она заплакала. – Меня на работе уважают... Марина Михайловна, не хотите? Марина Михайловна, пожалуйста. А прихожу домой – она смотрит как... на убогую... «Вы не то, вы не так!» Я, что ли, в Кремле сижу?

– Наелись своей демократии? – злорадно сказал дед. – Долго еще плакать будете!

– Ты-то хоть помолчи, дед! – заорал Николаев. – Прешь со своими орденами, как на парад! Сорок лет прошло – все на долги живешь! – Он с силой захлопнул дверь перед носом ошеломленного деда.

– Ну что ты стоишь? – всхлипнула мать. – Сделай что-нибудь! Звони!

– Куда?

– Не знаю! В милицию! Куда-нибудь! Куда эта дрянь могла пойти?

– Пора сваливать? – спросила Валерка. Она, опершись на подоконник, смотрела на улицу – там шел дождь, внизу, у подъезда лоснились мокрые спины машин. – Вам, наверное, спать надо.

– Знаешь, давай попробуем на «ты», – сказал Андрей.

– Давайте, – пожала плечами Валерка.

Андрей обнял ее сзади, Валерка повернулась и с готовностью подставила губы.

Они долго целовались у окна. Потом Андрей осторожно взялся за пуговицу у нее на рубашке. Валерка перехватила его руку и освободилась.

– Я сама. А то несправедливо: любой готов раздеть, а одевать никто не хочет, – беспечно сказала она. По-хозяйски прошла в спальню, включила свет, деловито спросила: – Это здесь будет? – упала на кровать с резными спинками, попрыгала и решила: – Ничего, выдержит... Я сейчас, – и вразвалочку направилась в ванную.

В ванной она торопливо заперла дверь и уставилась в зеркало круглыми испуганными глазами. Села на край ванны, затравленно оглянулась, будто ища, в какую щель забиться. Руки предательски дрожали, она прикусила палец и сдавливала зубами, пока не выступила кровь.

Посидела еще, разглядывая чужие халаты, косметику, три пары вьетнамок на полу. Обреченно поднялась, сняла цепь, плеснула в лицо воды. Потом глубоко вдохнула и сжала зубы. Медленно подняла голову и надменно посмотрела в зеркало.

С тем же каменным лицом, покручивая цепь на руке, вошла в комнату.

– А вот и я! – торжественно объявила она. Двумя пальцами подняла цепь над головой и с грохотом уронила ее на пол...

Андрей включил лампу над изголовьем, отогнул край одеяла.

– Постираешь, не треснешь, – не оборачиваясь, сказала Валерка. Она лежала с краю, подперев голову ладонью, перебирала звенья цепи на полу, как четки.

– Ты... в первый раз? – растерянно спросил Андрей.

– А что?

– Честно говоря, несколько неожиданно.

– Просто решила расстаться с невинностью. Тут ты подвернулся... Ты что думаешь – это ты меня снял? Ха!.. Это я тебя подцепила!

– В мое время это происходило немножко иначе... Слушай, – с интересом спросил Андрей. – Вы все сейчас такие? Или ты одна в своем роде?

– Это твоя жена? – Валерка взяла с тумбочки фотографию.

– Да.

– А где она?

– В Риге, в командировке.

– Красивая, – задумчиво сказала Валерка. – Она сейчас тоже с кем-нибудь?

– Знаешь что, – Андрей отнял и положил фотографию лицом вниз, – я очень хорошо к ней отношусь, так что давай не будем о ней говорить.

– А дети у тебя есть?

– Сын.

– Сколько лет?

– Пятнадцать.

– Слу-ушай! – обрадовалась Валерка. – Давай я с ним тоже трахнусь! Представляешь – семейная любовница.

– Слу-ушай! – в тон ей ответил Андрей. – У тебя хоть что-нибудь святое есть?

– Не-а! – Валерка радостно помотала головой. Отыскала в складках одеяла трусики, закинула их на плечо и, шлепая босыми ногами, отправилась в ванную.

Лена открыла дверь в школьной юбке и накинутом сверху домашнем халате.

– Приве-ет, – растерянно протянула она.

– Черепа дома? – хмуро спросила Валерка. – Я пересажу у тебя до шести? – не дожидаясь ответа, она протопала в кроссовках по богатому ковру в комнате.

Днем у Андрея была запись какой-то дурацкой передачи на телевидении, вечером лекции в университете. Болтаться по городу на ватных ногах не было сил, а стопроцентно застать дома в это время можно было только Ленку.

– Ты что, из дому ушла, да? – Лена испуганно смотрела на нее. – Твои ночью звонили. Мать мне потом два часа мораль толкала... Ирке звонили, Светке, всем девчонкам... Ты где была?

– У мужика, – коротко ответила Валерка. Она сосредоточенно смотрела в окно, щуря запавшие от бессонной ночи глаза, ожесточенно грызла заусенец на пальце.

– Ты что... – Лена, недоверчиво улыбаясь, заглянула ей в лицо. – Правда?

Валерка чуть заметно кивнула, думая о своем.

– И что?... И?...

Валерка снова кивнула. Лена охнула и привалилась спиной к стене, со священным ужасом глядя на нее.

– Ты обалдела, да? А кто?

– Преподает в универе.

– А сколько лет?

– Тридцать восемь.

– Совсем обалдела! – схватилась Лена за голову.

– Ты понимаешь, – по-прежнему глядя в окно, быстро, сосредоточенно заговорила Валерка. – С детского сада твердили: нельзя! нельзя! не смей! – сколько себя помню. Вот провели черту – досюда все что хочешь, а дальше нельзя, там другая жизнь... А за чертой нет ни черта, – зло усмехнулась она. – Да и черты никакой нет. Фуфло все это!.. У тебя пожрать есть? – неожиданно обернулась она.

– Ага. Сейчас. – Лена помчалась на кухню. Включила плиту, поставила чайник, засуетилась вокруг стола. – Валер, а ты расскажешь? Ладно?... Все-таки страшно, наверное, да?... Я, наверное, не смогу. Как представлю... А очень больно? Да? Я боли боюсь – ужасно!.. А девчонка из восьмого говорила, что кошмарно больно... А вы где познакомились?... А, Валер?... Валера?... – Она выглянула в комнату.

Валерка спала в кресле, свернувшись как щенок.

Николаев ехал по Калининскому, поглядывая в обе стороны на тротуары. Простуженно хрипела рация – давали ориентировку на машины в угоне.

По тротуарам двигалась плотная толпа, люди спешили с работы по магазинам, из магазинов – домой, к кухонным плитам, стиральным машинам и телевизорам. За мельканием тысяч рук, ног, детских колясок, хозяйственных сумок, дипломатов, пакетов, авосек видны были сидящие на ступеньках, на турникетах, привалившиеся к стенам пестрые компании подростков, пока еще немногочисленные. Тут и там прогуливались парочками под руку девочки в коротких юбках и ажурных черных чулках. Начиналась вечерняя центровая жизнь.

Сержант Сеницын с разделительной полосы помахал Николаеву жезлом, переждал поток машин, подошел и облокотился на крышу «москвича».

– Огня дай, – в зубах у него была зажата беломорина.

Николаев утопил кнопку прикуривателя.

– На Восстания таксист чайника боднул, – скучно сообщил Сеницын.

– Знаю... Что-то рано они сегодня, – кивнул Николаев на дефилирующих по краю тротуара девиц.

– Пятница, – пояснил Сеницын.

Девицы, заметив, что на них смотрят, обернулись. Сеницын помахал им рукой в кожаной краге:

– Что, девочки, не клюет?

Девицы смерили его презрительным взглядом и отвернулись.

– Смотрят еще, дешевки... – зло процедил Николаев.

– А как им на тебя смотреть? – спокойно сказал Сеницын, прикуривая. – Они за ночь зарабатывают, как ты за месяц... Протащить бы раз рожей по асфальту... Твоя не вернулась?

Николаев отрицательно покачал головой. По рации ПМГ с Гоголевского бульвара запрашивала помощь.

– В розыск подал?

– Да нет...

– Вернется, куда денется, – успокоил Сеницын.

Издалека, с бульвара, донесся длинный гудок клаксона, потом второй, третий, вскоре сигналили уже несколько десятков машин.

– Что там у них? – равнодушно поинтересовался Сеницын.

– Поехали, – Николаев завел мотор. – Посмотрим...

На Гоголевском было столпотворение. Милиционеры тащили с бульвара в ПМГ упирающихся хиппарей. Те, кого уже затолкнули в машину, лезли обратно, остальные, человек тридцать – парни и девки в одинаковых вытертых добела джинсах, с длинными патлами или тонкими косичками, – висли на руках у милиционеров, совали документы. Прохожие запрудили

тротуар, со стороны бульвара кричали что-то пенсионеры с собаками всех мастей на поводках, собаки лаяли и рвали поводки, инвалид с орденскими планками размахивал клюкой, пытаясь достать кого-нибудь из хиппарей. Движение остановилось, образовалась пробка метров на сто, автомобили гудели, кое-кто из водителей помогал взмокшим, озлобленным милиционерам.

Породистый мраморный дог вдруг вырвал поводок из рук хозяйки и бросился на длинного тощего хиппаря с гитарой за плечом. Тот покатился по асфальту, давя гитару. Николаев перехватил поводок, оттащил собаку, поднял парня и повел в ПМГ. Рядом Сеницын, выкрутив руку, волок беловолосую растрепанную девку. Около ПМГ стояла компания квадратных ребят и внимательно наблюдала за происходящим.

Завыла сирена, толпа зрителей расступилась, подъехали еще два желтых УАЗа, милиционеры бросились на помощь своим. Первая машина, набитая хиппарями, тронулась было с места, но кто-то из длинноволосых лег поперек под колеса, тут же остальные стали ложиться рядом, сцепившись локтями. Милиционеры принялись растаскивать цепочку.

– Эй, помочь? – окликнула их квадратная компания.

Николаев с трудом оторвал от цепочки крайнего хиппаря, тот подогнул ноги, Николаев встряхнул его, пытаясь поставить, но парень висел у него в руках как мешок. Николаев бросил его на асфальт и ударил ладонью по лицу. Тотчас, как по команде, квадратные сорвались с места и принялись лупить, пинать тяжелыми армейскими ботинками лежащих. Хиппари не сопротивлялись, только прикрывались руками. Сеницын отталкивал квадратных, те с чужеными лицами лезли обратно.

Подъехал автобус с курсантами, часть курсантов присоединилась к милиционерам, другие быстро, профессионально оттеснили толпу и оцепили место происшествия. Молоденькая девчонка хотела было прорваться к своим, курсантик толкнул ее в грудь, и она отлетела под ноги зрителям. Квадратные оказались за оцеплением и растворились в толпе.

Хиппарей затолкали в автобус и увезли. Рванулся по бульвару поток машин. Зрители начали расходиться.

Раскаленный Николаев ввалился в «москвич», Сеницын сел рядом, вытащил пачку «Беломора».

– Дай. – Николаев вытащил папиросу и принялся яростно шуровать ключом в замке зажигания. – Нет, ты видел? В глаза смотрит и смеется!.. Давить надо было! Одного задавишь – остальные не полезут! – Он возбужденно жевал папиросу, завел наконец мотор, ударил по кнопке прикуривателя и погрозил пудовым кулаком вслед автобусу. – Я тебе посмеюсь, гнида волосатая!

Валерка с трудом разобралась с расписанием, отыскала в километровых коридорах гуманитарного корпуса нужную аудиторию и уселась на верхнем ряду. Она, как могла, упорядочила свои желтые лохмы и спрятала в карман цепь, но все равно странно выглядела среди жеманных филфаковских дев. Девы иронически поглядывали на нее и перешептывались. Валерка отвечала надменным взглядом.

Андрей с порога заметил ее и чуть заметно, только ей, улынулся. Он стоял за кафедрой в расстегнутом пиджаке, небрежно облокотившись одной рукой.

– ...И вот собирались они в своей башне из слоновой кости, в своем фарфоровом павильоне. Над миром. Над мором. Над голодом и нищетой. Круг избранных. Хранители священного огня. Морковный чай – и свечи в канделябрах. А вокруг – тьма, непонятная, окровавленная, бушующая Россия. И каждую минуту могут постучать в дверь, но пока...

Лекция была о поэтах-акмеистах. Валерка мало что понимала, но внимательно слушала, стараясь не пропустить ни слова, настороженно, недоверчиво глядя на Андрея.

После лекции она подождала Андрея на выходе из корпуса и двинулась параллельно по другому тротуару. Он улыбался, искоса поглядывая на нее, кивал знакомым студентам. Его

догнали две рослые холеные девицы, он остановился, стал разговаривать, привычно кокетничая. Валерка постояла немного, потом пошла дальше. Андрей тотчас торопливо распрощался с девицами, в конце аллеи, оглянувшись, перебежал к ней.

– Привет! Ты как меня нашла?

– Сам же сказал.

– А-а, да... Ну как, понравилось?

– Ничего... Ты на кота похож. «Ваши незасеянные, но уже изрядно унавоженные души», – передразнила Валерка, томно поводя плечами.

Вышло у нее это очень похоже, Андрей засмеялся.

– Домой не вернулась?

– Нет.

– Ты понимаешь, какая незадача... Утром жена приезжает. У нее потрясающая интуиция: представляешь, командировка до конца месяца, а...

– А что, до утра не успеем? – перебила Валерка, деловито глянув на часы.

– Слушай! – в восторге сказал Андрей. – Отчего ты такая бесстыжая?

Валерка пожала плечами:

– Если тебе так больше нравится – можешь пригласить меня на чашечку кофе. Я немножко поломаюсь и соглашусь.

Николаев разбирался с аварией – на узкой улице отъезжающий от тротуара старый ижевский «москвич» царапнул идущую мимо «семерку». Царапина была пустяковая, но хозяин «семерки», двадцатилетний парень в модной куртке под цвет машины, чуть не с кулаками наседавал на пенсионера, водителя «москвича». Тот подавленно молчал. Николаев, разложив бумаги и документы на капоте «семерки», составлял протокол.

– Четыре глаза – не видишь ни хрена! – все не мог успокоиться парень. – Голова не ворочается – назад посмотреть?

Старик поправил очки и снова безвольно опустил руки.

– Спокойнее, товарищ водитель, – сказал Николаев. Ему был неприятен этот самоуверенный, напористый сопляк, получивший дорогую игрушку на фарцовые доходы или в подарок от папы, но, как ни крути, он был прав, а «москвич» виноват, и он быстро заполнял бланк протокола, торопясь развязаться с микроскопическим, будничным происшествием. Сзади визгнули шины, он мельком обернулся: под арку ближнего дома сворачивал желто-синий милицкий рафик.

– Спокойнее... – парень, болезненно морщась, провел пальцем по царапине. – Всю дверь красить!

– Я заплачу!.. – тихо сказал старик.

– А куда ты денешься! Заплатит он! Червонцем я твоим залеплю? Очередь на полгода!

– Распишитесь, – подвинул Николаев протокол виновнику. – За правами в отдел разбора, с квитанцией.

Тот кивнул и пошел к своей машине.

– Ездить научись! – крикнул ему вслед парень. – Чайник!.. Нет, ну на пустой улице... – обратился он к Николаеву.

– До свидания! – Николаев козырнул и направился к патрульному «москвичу».

Под аркой дома, около рафика, уже толпились люди. Пожилая женщина в синем халате под курткой, видимо, дворник или уборщица, всхлипывала, закрывая лицо одной рукой, другой держась за сердце:

– Я смотрю – дверь-то не закрыта... Я вошла... свет зажгла... Господи, что же это такое... Господи... Дверь-то не закрыта... я и вошла... Прямо об нее споткнулась...

Николаев прислушался.

- Сколько их там? – негромко переговаривались вокруг.
- Пятеро.
- Свет-то зажгла... и с места не могу...
- Как же родителям, не представляю...
- И девочка с ними.
- Девочка прямо у входа...

Николаев почувствовал, что сердце проваливается в холодную пустоту. Он медленно прошел между людей, ему показалось, что все сочувственно замолкают при его приближении.

Он шагнул к подъезду. Дорогу преградил молоденький старшина:

- Товарищ старший лейтенант, там группа работает.
- Сейчас... – Николаев вбежал в подъезд.

Внизу, в подвале, горел свет, по лестнице оттуда поднимался, придерживаясь рукой за стену, бледный мужчина – видимо, понятой. Не глянув на Николаева, прошел мимо.

Николаев сбежал по ступенькам и шагнул в открытую дверь подвала.

Вдоль стены сидели, расставив ноги, привалившись спинами к сырым трубам, подростки с полиэтиленовыми мешками на голове. Лица неясно просвечивали сквозь мутную пленку. Ближе к выходу лежал, повалившись на бок, еще один труп – судя по маленьким бугоркам грудей под свитером, девчонка – в кожаной куртке и джинсах. На грязном полу валялся пестрый баллон какого-то аэрозоля.

Среди неподвижных, окоченевших уже тел осторожно, чтобы не наступить на ноги, ходил фотограф, снимал в упор со вспышкой. Судмедэксперт и следователь вполголоса деловито переговаривались, поодаль замер, глядя в стену, второй понятой.

Судмедэксперт подошел к девчонке, наклонился...

– А ГАИ тут при чем? – обернулся к Николаеву следователь. – Своих трупов мало?

Тот отступил к двери, вытягивая шею, над плечом следователя наблюдая, как судмедэксперт стаскивает пакет с головы девчонки...

– Не мешайте, старлей... – сказал следователь.

Это была не Валерка. Абсолютно незнакомая, некрасивая конопатая девчонка лет четырнадцати.

Николаев повернулся и, тяжело шагая по ступенькам, вышел на свет.

– Вообще бьет по нервам, – понимающе сказал, увидев его, старшина.

– Закурить есть? – хрипло спросил Николаев.

Старшина достал пачку, чиркнул зажигалкой.

– Насмотрелись мультиков, – сказал он.

– Что?

– Ну, это у них называется – «мультики смотреть». Цветные галлюцинации.

Николаев глубоко, жадно затягивался, бессмысленно озираясь по сторонам.

– Я все думаю, может, нарочно? – помолчав, сказал старшина.

– Что?

– Ну, не снял... Ну, один же кто-то должен остаться, чтобы пакеты снять, когда надышатся. А я вот думаю – может, он нарочно сбежал? Может, отомстить кому-то из них хотел?...

Николаев сел в машину, завел мотор и откинулся на сиденье, докуривая, приходя в себя. Он видел много аварий, видел легковушки, скомканные как лист бумаги, и сочащуюся из-под дверцы кровь, помогал собирать на брезент то, что осталось от человека после лобового столкновения. Но когда врач стаскивал пакет с головы конопатой девчонки, он впервые понял, как люди падают в обморок. Лишаются чувств. Когда пакет сполз, в ушах у девчонки качнулись дешевые металлические серьги. Кажется, у Валерки такие же.

Николаев выплюнул сигарету в окно и врубил скорость. До конца дежурства оставалось два часа.

Вечером, наскоро переодевшись, он прочесывал на своем жигуленке улицы вокруг Калининского. Он понимал, что невозможно в этом громадном муравейнике найти одного маленького человечка, и все же упрямо кружил по узким улицам, приглядываясь к тусовкам.

В большой компании, собравшейся на ступеньках старого дома, ему показался знакомым один из ребят. Он вышел из машины, тронул его за плечо:

– Валеру Николаеву знаешь?

Все сразу замолчали, обернувшись к нему.

– Валерка Николаева? – переспросил тот, морща лоб.

– Это Авария, что ли? – спросил другой, сидящий на ступеньках в обнимку с ярко раскрашенной девицей.

– Ну да, Авария! – оживился Николаев.

– А зачем она тебе?

– А я его уже видела, – вдруг сказала девица, указывая сигаретой на Николаева. – Только он в погонах был.

– А ты кто вообще? – спросил первый парень.

Николаев замешкался.

– Знакомый...

– А-а... Так идем к Серому или не идем к Серому? – отвернулся парень.

– Пойдем, правда...

– Да ну, в Текстили тащиться, – капризно заныла девица.

– Пойдем. – Ее под руки подняли со ступеньки.

– Я же по-человечески спрашиваю, – сдерживаясь, сказал Николаев.

Но команда уже поднялась и, обходя его как нечто неодушевленное, столб или урну, направилась к метро...

Николаев вывернул на проспект, тоскливо глянул на уходящие в перспективу людные тротуары, залитые густым желтым светом фонарей. И вдруг увидел Валерку, не увидел даже, а угадал ее в темной фигурке с краю компании металлистов, подваливающей к подземному переходу.

Николаев затормозил, бросился было навстречу, но тут же остановился. Валерка подняла голову, тоже встала, рванулась было бежать, но, заметив, что отец не двигается с места, замерла вполоборота, напряженно следя за ним. Компания, оживленно переговариваясь, спустилась в переход.

Николаев сделал шаг вперед, дочь отступила, сохраняя дистанцию.

– Чего надо? – враждебно спросила она.

– Да не бойся, я поговорить только. – Николаев снова шагнул к ней, Валерка отскочила и зашла с другой стороны перехода. – Правда, поговорить...

– Я и отсюда слышу.

Их разделял глубокий тусклый провал перехода.

– Это... Ты возвращайся сегодня, хватит... – сказал Николаев. – Из школы уже звонили... Собрание завтра...

– Ха! Что я, дура? – ухмыльнулась Валерка. – Я после собрания приду.

– Да не бойся, я мать не пушу. Сам пойду... Правда, возвращайся, хватит уже... Когда хочешь, хоть в двенадцать. Ничего не будет, я обещаю...

– Ты чего застряла? – крикнул снизу кто-то из компании.

– Сейчас догоню!.. Ладно, посмотрим, – ворчливо ответила Валерка.

Николаев кивнул и пошел к машине.

Собрание было общим – родителей и учеников. Как-то само собой получилось, что расселись стенка на стенку: родители слева, ученики справа, у окна. За учительским столом сидел директор школы, подтянутый парень лет сорока, и совсем юная классная.

За последние пять лет Николаев впервые был на собрании. Он искоса разглядывал родителей: почти все были старше его, солидные люди в выходных костюмах, они спокойно, внимательно слушали директора.

– Я в школе семнадцать лет, – говорил директор, – но такого, извините, не припомню. Просто театр военных действий. А я, как начальник штаба, каждый день получаю сводки: срыв урока, бойкот учителя, демонстрация последних мод сезона... Мы вынуждены были сменить классного руководителя. Нина Сергеевна, – он кивнул на классную, – в школе первый год, сразу после института, почти ровесница, то же поколение. Нет, оказывается, молодой классный руководитель их тоже не устраивает. Им вообще никого не надо...

Нина Сергеевна заметно нервничала, беспомощно поглядывала то на учеников, то на директора.

– И конечно, не могу обойти вниманием, не представить зачинщика всех беспорядков, так сказать, лидера оппозиции, – директор иронически-торжественно протянул руку. – Валерия Николаева, Советский Союз!

Киселев исполнил на губах туш, Пухлый поднял Валеркину руку. Она с достоинством раскланялась на три стороны.

– Кстати, есть родители?

– Я, – Николаев обреченно поднялся за столом.

– Садитесь, – усмехнулся директор. – Раньше супруга ваша ходила?

– Вот... Теперь я...

– Вам, наверное, небезынтересно будет узнать...

– Алексей Николаевич, – подсказала классная, заглянув в журнал.

– ...Алексей Николаевич, что ваша дочь с начала полугодия пропустила без уважительных причин четырнадцать...

– Шестнадцать, – подсказала классная.

– ...уже шестнадцать учебных дней! Вы в курсе?

Николаев, красный как рак, кивнул было, глядя в стол, потом отрицательно помотал головой.

– В Соединенных Штатах родители прогульщиков платят крупные штрафы. А недавно мужа и жену посадили в тюрьму за прогулы дочери. Неплохо бы перенять опыт, как вы думаете?

Николаев ерзал на стуле, ощущая на себе взгляды родителей. Неловко вытер пот со лба, глянул на дочь – Валерка, свободно откинувшись на спинку, невозмутимо, даже с интересом слушала директора.

– Но когда ее нет, по крайней мере в классе спокойно. А во время своих нечастых визитов она беспрерывно провоцирует конфликты. А учителя, между прочим, не роботы. И когда их методично, день за днем, доводят – они срываются. Поведение вашей дочери не просто вызывающее – хамское! Никаких авторитетов, никаких возрастных барьеров! Учительницу истории она недавно назвала старой дурой.

– А ее трогает мой хаер? – надменно спросила Валерка.

– Хаер – перевозу для непосвященных – это прическа, – объяснил директор родителям. – Твой хаер никого не трогает! Просто есть элементарные нормы человеческого общения! Если ты оскорбишь кого-то на улице, человек может вызвать милицию. Только учителя у нас беззащитны...

– А товарищ Николаев сам в милиции работает, – сказала классная.

Николаев даже зажмурился от кромешного стыда.

– Вот как? Так что давайте вместе решать, как нам жить дальше. Как нам всем... мирно сосуществовать, не прибегая к крайним административным мерам, – закончил директор.

– Хватит нас пугать, – сказал Кирилл. – Мы давно предлагали собраться и все решить.

– Ты встань.

– Я встану. – Кирилл нехотя, вальяжно поднялся.

Мужчина с красными усталыми глазами, сидящий рядом с Николаевым, тревожно глянул на сына.

– Дело не в волосах, – продолжал Кирилл. – Не надо нас упрощать. И не надо пугать следствия с причинами. Дело в том, что нас многое в школе не устраивает...

– Например?

– Например, некоторые учителя...

– И что ты предлагаешь?

– Я попросил бы не перебивать меня, – раздельно сказал Кирилл. – Я сам скажу все, что найду нужным. Мы предлагаем ввести в старших классах полноценное самоуправление учебным процессом.

– Какое самоуправление? – вскочила вдруг классная. – Вы безжалостные! Безжалостные! Как вы можете управлять?

– Это эмоции, – поморщился Кирилл. – Некоторые учителя начали преподавать еще в период культа личности, благополучно работали во времена Хрущева и Брежнева. Вы считаете, эти люди способны проводить перестройку в школе?

– Рабочие директоров выбирают, – крикнул Киселев, – а мы нормальных учителей выбрать не можем?

Родители зашумели.

– Может, и родителей будете выбирать? – ехидно спросил отец Киселева.

– А неплохо бы, – буркнул тот.

Николаев оглянулся на мрачного Киселева-старшего и почувствовал некоторое облегчение – он был не одинок в родительском лагере.

– Выбирать! Додумались! – возмущенно гудели родители.

– Доучитесь сначала!

– Воспитателей в детском саду тоже выбирать будут?

– Общее собрание младшей группы!

– А почему кто-то, – повысил голос Кирилл, – вы или они, – он указал на учителей, – должен решать за нас: как нам жить, что нам делать, о чем нам думать?

– Да потому что мы прожили больше! – крикнул Киселев-старший. – И видели больше, и опыт, слава богу, какой-то имеем...

– Видите ли, – раздельно сказал Кирилл, поднимая пальцы шепотью. – Дело в том...

– Извини, прерву, – встал сосед Николаева. – Я должен сказать, что я с этим демагогом дома не справляюсь, – кивнул он на сына. – У меня восемь операций в день, я газету прочитать не успеваю – строчки прыгают... Извините. – Он виновато развел руками и сел.

– Я могу продолжать? – спросил Кирилл. – Спасибо... Так вот, дело в том, что ваш опыт относится к другому историческому периоду. Если бы мы жили двадцать лет назад, мы бы, безусловно, воспользовались вашими советами.

Родительская половина класса взорвалась, заговорили все разом. Николаев растерянно смотрел на дочь, на ее одноклассников, на иронически улыбающегося директора, на бушующих родителей.

Они шли домой вдвоем с Валеркой по тихой вечерней улице. От земли тянуло холодом, бурно начавшаяся весна вдруг замедлила ход, деревья до сих пор стояли без листвы. Колесо времен года будто бы замерло в критической точке, решая, куда дальше – к лету или назад, к снегам.

Дочь невозмутимо шагала рядом, сунув руки в карманы куртки. Николаев понимал, что надо как-то реагировать на услышанное сегодня в классе, ругаться, воспитывать, но боялся порвать ниточку, связавшую его с дочерью. Они вышли из класса как два заговорщика – все должно было остаться тайной для матери.

– А что, историчка действительно дура? – на всякий случай спросил он.

– Да нет, – пожала плечами Валерка. – Просто реликт брежневской эпохи.

– Вот как... – растерялся Николаев. – Все равно, зачем обзывать?... – А этот, длинный, – неглупый парень, – осторожно сказал он через несколько шагов.

– Кирилл-то? – Валерка сунула в рот жвачку. – Ничего... Говорит только много.

– А у тебя... это... – смутился Николаев, – мальчик в классе есть?

– А?... Пухлый. Ну сидел рядом.

– И что же у вас... любовь? – неловко улыбнулся Николаев.

– Чего-о? – Валерка остановилась, хлопнула себя по коленям и дико заржала на всю улицу. – Ну, придумал словечко!.. Так, тусуемся вместе...

Дома Валерка не ушла, как обычно, в свою комнату, задержалась на кухне, и на Николаева напал вдруг приступ красноречия. Он вспоминал смешные случаи из службы, нещадно привирая и придумывая на ходу, чтобы было смешнее.

– Стою, значит, на Часовой – там движение одностороннее. И вдруг прямо глазам не поверил: «шестерка» пилит в обратную сторону, навстречу движению. Машины от нее шарохаются кто куда. Ну я ее останавливаю – сидит размалеванная такая дамочка. Я говорю: «Здесь движение одностороннее». «А? Спасибо», – врубает заднюю скорость и так же спокойно назад попилила...

Дед посмеивался, Валерка улыбалась, привалившись спиной к подоконнику.

Мать, не снимая плаща, зашла на кухню, постояла, глядя на них.

– Чего ты? – возбужденно обернулся Николаев. – Садись.

– Сейчас, – кивнула мать, подошла к Валерке, негромко спросила: – Где была три дня?

Николаев досадливо дернулся, выразительно глянул на нее: был ведь уговор не вспоминать.

– Тусовались с ребятами, – ответила Валерка. – А что?

– Интересно было?

– Нормально.

– Угу, – снова кивнула мать. Размахнулась и изо всех сил ударила ее по щеке. – Дрянь! Дрянь! Дешевка! Шлюха подзаборная! – срываясь на визг, закричала она, обеими руками лупцую Валерку по щекам. – Убить тебя мало!

Что поразило Николаева – Валерка стояла неподвижно, даже не закрывалась, только жмурилась от ударов.

– Ты что? Мать! Сдурела! – Николаев вскочил, схватил ее за руки, оттащил от дочери.

– Ты что думаешь? Где она... – рвалась мать к Валерке. – Стоит, паинька, улыбается! Думаешь, где она? Она с женатым мужиком в постели кувывается!

Николаев взглянул на неподвижную Валерку, растерянно спросил:

– Это что... правда?

Валерка подняла ладонь, потрогала горящую щеку и спокойно ответила:

– Правда.

– А ну, пойдем! – мать схватила ее и поволокла к двери. – К прокурору пойдем! Я ему устрою, кобелю!

– Не пойду!

– Пойдешь! Пойдешь как миленькая! – мать ударила ее еще раз, потащила за собой чуть не волоком.

– Не пойду! – Валерка вырвалась и отскочила.

– Я сама пойду! К нему пойду! К жене!

– Стой! Мама! – Валерка вцепилась в мать. – Мам, пожалуйста, не ходи! Не надо, мам! Ну, хочешь, меня бей!

Мать оттолкнула ее, сгоряча замешкалась с замком.

– Мама! – отчаянно крикнула Валерка. – Если пойдешь, я... я жить не буду, так и знай! – она затравленно оглянулась, бросилась в ванную, вывернула бритву из отцовского станка и выбежала в коридор.

Мать уже открыла дверь.

– Мам! – Валерка задрала рукав, выпрямила вниз руку со сжатым кулаком. – Мам, посмотри!

Мать на мгновение обернулась, и Валерка, глядя ей в глаза, медленно провела бритвой по венам. Фонтаном ударила кровь, полилась с пальцев на пол. Мать охнула, схватилась за сердце и села у двери.

– Ты этого хочешь, да? – дрожащими губами выговорила Валерка.

– Ты... с ума сошла... – Николаев обхватил ее руку выше локтя.

– Подожди! Обещай, что она никуда не пойдет!

– Конечно, конечно... – Николаев беспомощно огляделся: мать, закрыв глаза ладонью, сидела у открытой двери, дед ни жив ни мертв сжался в своем углу. – Дед, скорую! Да быстрее! Дверь закрой! И валидол! Стой, жгут какой-нибудь! Да что ж такое! С ума все посходили?...

Скорая неслась по пустынному Садовому кольцу. Врач курил в кабине рядом с водителем. В тряском салоне Валерка придерживала на весу перетянутую жгутом руку.

Николаев сидел рядом, бессильно опустив плечи, смотрел в пол. Пожилая фельдшерица откинулась на своем сиденье, вытянув ноги, глубоко засунув руки в карманы плаща, накинутаго на белый халат.

– Идиоты, – сказала она. – Целый этаж идиотов... Одному отец на магнитофон не дал – из окна сиганул. Лежит, позвоночник сломал... С жиру бесятся... Чего не живет-то? – обернулась она к Валерке. – Мы на карточки жили. С голоду качает, а вечером на танцы бежишь. Весело жили, не то, что вы... Я честно скажу: я бы таких и не вытаскивала. Не хочешь – не живи! Или плати за койку!.. Страна всеобщей занятости: один вены режет, другой шьет – двое при деле...

Валерка смотрела в окно.

В Склифе ее сразу провели в операционную, заставили раздеться и уложили на стол под яркими лампами.

– Глубоко порезала, – сказал хирург, молоденький парнишка в зеленом пижонском колпачке.

– Так получилось. Извините. – Валерка отчаянно трусила, облизывала пересохшие губы, блуждала широко распахнутыми глазами по операционной, стараясь не смотреть на жутко поблескивающий инструмент.

– Давайте блокаду, – негромко велел хирург сестре. – Зачем резала-то?

– Да черепам надо было объяснить кое-что...

– А по-другому нельзя было?

Валерка цокнула языком:

– По-другому не понимают.

– Ну теперь терпи. Больно будет, – хирург подошел к столу.

– Ха, напугали... ежа голым задом... – дрожащим голосом сказала Валерка и крепко зажмурилась.

Андрей ждал в сквере около детского музыкального театра, напротив университета, – у него было окно между лекциями. Николаева он узнал сразу: отец и дочь были на одно лицо, только то, что казалось милым у Валерки – густые хмурые брови, крупная нижняя губа, широкий, выступающий вперед подбородок, – у отца смотрелось грубо и жестко.

Андрей бросил сигарету и поднялся со скамьи. Николаев подошел, остановился напротив.

– Вы – Андрей?...

– Олегович, – подсказал Андрей.

Николаев кивнул.

– А вас?

– Алексей Николаевич.

– Очень приятно, – сказал Андрей. – Хотя и не надеюсь на взаимность.

Руки они, естественно, друг другу не подали.

Ситуация была на редкость дурацкая для обоих. Андрей нервничал, но держался с достоинством. Николаев исподволь, с каким-то болезненным, неприязненным интересом разглядывал любовника дочери.

– Только я вас прошу... как договаривались... Чтоб Валерка не знала...

– Да, конечно, – торопливо кивнул Андрей. – Как она?

– Лежит пока. Крови много ушло... Ну и психиатры там... разговоры всякие...

– Это обязательно при суицидном состоянии.

– Ну да.

Они неловко помолчали. Был яркий солнечный день, сквозь плотную завесу выхлопных газов пробивались весенние запахи – оттаявшей земли и набухших почек.

Родители вели празднично одетых детей в театр – замысловатый дворец из бетона. По другую сторону проспекта высилась каменная громада университета.

– Вы не волнуйтесь, – сказал Николаев. – Я не за тем пришел... И жена никуда не пойдет... Я просто... понять хочу... – он развел руками, не зная, как объяснить.

– Вы поймите меня правильно, – заговорил Андрей. – Постарайтесь поставить себя на мое место. Встречаю я девушку... У меня жена искусствовед, смотрит спектакли по всей стране. Полгода в командировках как минимум. Я живой человек, в конце концов... Ну вот представьте, – неожиданно разозлился Андрей. – Стоит такая лахудра, извините... накрашена так, что лица не видно, – откуда я знаю, сколько ей лет?... Я пригласил, так, мимоходом. Она пошла – ночью к незнакомому взрослому мужчине. Что я, по-вашему, должен был подумать?... И потом – я ведь не маньяк, не насильник... Я был просто потрясен, когда понял, что она девочка... после всего этого.

Николаев молча слушал, глядя в сторону, болезненно морщась.

– Она действительно сама пошла? – спросил он.

– Я взрослый человек! Смешно было бы мне валить на девчонку. Но это была ее инициатива... Она решила, а я... как кролик для эксперимента, честное слово!

Николаев тоскливо смотрел на детей, торжественно идущих в театр, переполненных ожиданием чуда.

– Вы встречались потом?

– Она приходила ко мне на лекцию, – Андрей кивнул через плечо на университет.

– А что вы читаете? – поднял голову Николаев.

– Литературу начала века.

– А как можно... ну, ознакомиться?

– Возьмите хрестоматию – в любой библиотеке.

Николаев покивал и снова опустил голову.

– Не понимаю я чего-то... – сказал он. – Мы ведь тоже не подарок были. Клеши тридцать сантиметров, с лампочками, батарейка в кармане. Да вы помните! Старухи вслед плевались. Патлы у меня были – вот досюда...

– Нет, нас стригли, – улыбнулся Андрей. – Весь класс с урока снимут – и в парикмахерскую строим...

– Ну да. Твист рубали – учителям назло...

– Битлы только начинали.

Ну да! Но ведь не так, как они сейчас, – Николаев помолчал. – Она ведь меня просто не видит. Не так, чтобы изображает чего-то, а будто нет меня. В стену насквозь смотрит...

– А я со своим парнем нормально живу, – пожал плечами Андрей. – Хотя... честно говоря, иногда случайно взгляд поймашь – страшновато становится...

– Я ведь не про то, что мы вот хорошие, а они плохие. Просто не понимаю я... И с ней, и вообще... Не пойму, что происходит. Жили-жили, и вдруг все кувырком полетело, все через голову. – Николаев мучился от своего косноязычия, никак не мог найти верные слова. – Я один раз за угонщиком шел, разогнался километров до ста, не заметил, что асфальт впереди разобран, ремонт, – влетел на булыжники: трясет, голова чуть не отлетает, руль из рук рвет. И не поймешь: то ли по тормозам бить, то ли газу дать, чтоб быстрее проскочить... – Он уныло замолчал. – Авария какая-то...

Андрей сочувственно кивал, не очень понимая, о чем речь, но готовый поддержать разговор.

– Ладно, – сказал Николаев. – Извините, что оторвал... Только Валерке не говорите.

– Вы не волнуйтесь. Больше ничего не будет – это я вам гарантирую, – заверил Андрей.

– Да теперь-то что, – Николаев махнул рукой и, сутулясь, пошел прочь.

Валерка неторопливо подходила к школе, жевала резинку, небрежно закинув сумку за плечо. Рукава формы были закатаны, левый локоть перетянут тугой повязкой.

Вчера ее наконец выпустили из больницы, взяв честное-пречестное слово, что она больше никогда так делать не будет. Валерка пообещала. Ей до смерти надоел психиатр с серьезной рожей и дурацкими вопросами, соседки по палате, истеричные плаксивые девки. С ними было скучно. Каждый день в больницу со всей Москвы свозили суицидников, неудавшихся самоубийц, «таблеточников», «висельников», «парашютистов», быстро откачивали и распахивали в переполненные палаты. Первое время они лежали, отвернувшись к стене, потом начинали захлеб, не слушая друг друга, рассказывать свои трагедии. Восьмиклассница, которую бросил мальчик, узнав, что она беременна, попыталась по второму разу перепилить вены какой-то железкой. Больше в палате никого не было, вставать было лень, и Валерка запустила в нее яблоком...

На крыльце школы Валерка столкнулась с Леной.

– Привет, – робко сказала та.

Валерка молча прошла мимо.

– Валера... Ну, Валер... – Лена догнала ее. – Я все объясню... Я не виновата, честное слово... Валера! – Она заступила дорогу.

Валерка остановилась, равнодушно глядя в лицо подруге.

– Ну, послушай, пожалуйста. – В глазах у Лены уже копились слезы – Я тогда... Я тебе про него говорила, из двенадцатой школы... Почему – тебе можно, а мне нельзя?... А мать... – Слезы покатились по щекам. – Ты же знаешь, она меня насквозь... Сразу, как я вошла... Они меня под лампу ставят и сами сидят, как на допросе... а я подумать не успеваю... – Лена торопливо, двумя руками вытирала слезы. – Честное слово, сама не знаю, как я про тебя... Я ее просила не ходить...

Валерка с холодным любопытством разглядывала плачущую подругу.

– Они... они меня на колени поставили... Мать меня к врачу водила... Это ужас какой-то!.. Это ты виновата! – закричала вдруг Лена. – Ты! Лезешь, как дура! Все из-за тебя! Ненавижу!

Валерка обошла ее и направилась в класс.

Она сидела в классе рядом с раздавленной, несчастной Леной, смотрела в окно, медленно перекатывая во рту жвачку.

Историчка у доски рассказывала о первых пятилетках.

Валерка вдруг поднялась, бросила учебник в сумку и пошла из класса.

– Николаева... Ты куда? – растерялась прерванная на полуслове историчка.

– Надоело, – устало сказала Валерка.

Класс загудел. И затих.

Историчка подбежала к двери, закричала в коридор:

– Николаева! Вернись! Вернись, я сказала!.. – с силой захлопнула дверь, подошла к столу, нервно спросила: – Так, на чем я остановилась? Да... – она прикусила губу, пытаясь удержать слезы. – Значит, одна тысяча девятьсот двадцатый четвертый год... – села и закрыла лицо руками.

Класс молчал. В тишине историчка всхлипнула, полезла в портфель за платком.

– Смотрите, смотрите, – сказала она, аккуратно вытирая слезы. – Интересно, да?... Вы у меня на экзаменах заплачете. Тогда я посмотрю...

Когда Валерка наконец дозвонилась до Андрея, он разговаривал сухо и коротко и называл ее Валерой в мужском роде. Он назначил встречу без десяти семь у подземного перехода на Калининском – в семь у него было важное выступление на чьем-то юбилее в Доме литераторов...

Мимо них вверх и вниз по переходу текли толпы людей, некоторые оглядывались на эту странную пару: взрослого солидного мужчину в строгом костюме с галстуком и пестро раскрашенную девицу с торчащими во все стороны желтыми волосами, в кожаной куртке с железными бляхами и цепью на шее.

Так же коротко и сухо Андрей сообщил, что их отношения заканчиваются и звонить ему более не следует.

– А что, собственно, случилось? – спросила Валерка.

– Ну что ты, ничего не случилось, – раздраженно развел руками Андрей. – Все в порядке! Ты режешь вены, все на ушах стоят – все нормально!

– Черепа приходили? – насторожилась Валерка.

– Какая разница – кто приходил? Не в этом дело!

– А ты-то что волнуешься? – пожала плечами Валерка. – Не тебе же я вены порезала!

– Идиотизм! Детство какое-то! – Андрей досадливо покривился. – Я просто привык общаться со взрослыми людьми. С нормальными людьми! Что ты еще выкинешь? Чего еще ждать? Заранее предупреди, будь добра!

– Испуга-ался, – сочувственно протянула Валерка, – бедненький Андрейчик испугался. – Она погладила его по щеке.

Андрей со злостью отбросил ее руку.

– Бедный зайныка испугался! Не бойся, маленький, все будет хорошо. Тебя-то уж это никак не коснется... Слушай! – оживилась вдруг Валерка. – Хочешь, я тебе одну вещь покажу? Ужасно интересно! – Она закатала рукав и стала разматывать бинт. – Нет, правда, ты такого не видел...

– Перестань... – Андрей схватил ее за руки, оглянулся на прохожих. – Ну не надо... Ну что ты, в самом деле... – тоскливо уговаривал он.

– А впрочем... – Валерка закатила глаза к небу, размышляя: – С твоими нервами – помрешь ведь на месте. У тебя ведь и с сердцем неважно, да? В твои-то годы! А желудок, почки – ничего? В порядке? Ладно, живи, – милостиво разрешила она, заматывая бинт. – Живи спокойно, дорогой товарищ!.. Скучно с тобой, господи! – вздохнула она. – Ладно, чао! – Она повернулась и пошла было, но тотчас вернулась, шаря по карманам, достала трояк и воткнула ему в нагрудный карман парадного пиджака. – Привет жене!

Она шагала по улице, весело посвистывая и независимо поглядывая по сторонам. Сорвала на ходу маленький клейкий, только что вылупившийся из почки листочек, положила на язык. Лист был смолисто-горький.

Ее обогнал белый жигуль – «восьмерка», из окон смотрели четверо взрослых парней. Валерка прошла мимо. «Восьмерка» снова заехала вперед. Дождавшись, когда Валерка поравняется с машиной, загорелый, коротко стриженный парень открыл окно и крикнул улыбаясь:

– Девушка, покатаемся?

К концу дежурства Николаева вызвал майор – начальник отделения. В кабинете уже были Сеницын и еще двое инспекторов. Около майорского стола сидел, закинув ногу на ногу, щеголеватый парень в вареном костюме со множеством карманов, клапанов, карабинов и ремешков. Сквозь аккуратно уложенные волосы предательски просвечивала лысина.

– Садись, – кивнул майор Николаеву. – Ну вот, товарищи, разрешите представить: у нас в гостях корреспондент «Комсомольской правды» товарищ Новицкий. – Он радушно указал на парня. Майор, улыбочивый толстяк с простоватым лицом, на тех, кто не сталкивался с ним по служебным делам, производил впечатление незатейливого, славного рубахи-парня. – По поводу инцидента на Гоголевском. Больше там наших не было?

Инспекторы переглянулись.

– Да нет... Вроде нет...

– У товарища Новицкого к нам несколько вопросов. Пожалуйста, – майор развел руками. – Чем можем, как говорится, поможем.

– А можно наедине? – спросил тот.

– Ну зачем же, – укоризненно покачал головой майор. – Мы, так сказать, одна семья. У нас секретов друг от друга нет. Верно?

Инспекторы согласно закивали, настороженно поглядывая на журналиста. Тот открыл блокнот и повернулся к собравшимся.

– Я говорил с ребятами, был в отделении милиции, так что события знаю с точностью до минуты, – он указал на блокнот. – Меня интересует другое... Как получилось, что вы, работники автоинспекции, прибыв на место, не стали даже вникать в суть конфликта, а бросились выламывать руки и растаскивать ребят по машинам? Это что – защита чести мундира?

– Простите, вы неправильно это представляете, – вмешался майор. – Все происходило на проезжей части, ребята ложились под колеса, создавали аварийную ситуацию, подвергали опасности свою жизнь...

– Да, да, – досадливо сказал корреспондент. – Но почему нельзя было на месте спокойно разобраться в сути конфликта? Почему надо кидаться, как... на диких зверей? Почему старший лейтенант Николаев ударил человека, который даже не сопротивлялся?

– А это... – начал майор.

– Не бил я его, – сказал Николаев. – Просто толкнул.

Майор бросил на него тяжелый взгляд.

– Ударил – толкнул! – горячился корреспондент. – Это не меняет дела. А потом, когда на ваших глазах фашиствующая группа стала избивать ребят, почему вы даже не пытались их удержать?

– А у нас не по десять рук, чтобы всех сразу держать, – ответил Сеницын.

– Если к нам поступит заявление от пострадавшего, – спокойно сказал майор, – мы проведем служебное расследование. И виновный – если он действительно виноват – будет наказан по всей строгости. Но я уверен, что ребята сами спровоцировали конфликт. – Майор оглядел подчиненных. Те согласно закивали.

Николаев, облокотившись на колени, пристально смотрел в пол.

– А вот по моим данным... – Корреспондент указал на блокнот.

– А вы, значит, считаете, что ни с того ни с сего подъехала милиция, схватила первых попавшихся...

– Именно так! Ребята сидели, никого не трогали, пели – негромко, для себя. «Битлз» – почти классика...

– Насколько мне известно, – поднял брови майор, – милицию вызвали представители общественности.

– Пенсионеры, которые выгуливают там собак. Что, кстати, запрещено.

– Ну-у, извините, – широко развел руками майор, откидываясь в кресле. – Тогда давайте сначала решим, кто у нас общественность – эти волосатые или заслуженные люди, ветераны войны и труда?

Корреспондент всплеснул руками, собираясь возразить, но майор взглянул на часы.

– У вас конкретные вопросы к работникам автоинспекции есть? Извините, служба. Все свободны!

Он выкатился на коротких ножках из-за стола и, радушно улыбаясь, проводил корреспондента до двери.

– Всегда с удовольствием читаем вашу газету. Если могу быть чем-то полезен, в любое время, без стеснения...

Как только корреспондент вышел, майор перестал улыбаться, обернулся к Николаеву:

– Хрен ты у меня получишь, а не премию! Перестраивайся, Николаев! Перестраивайся! Теперь сначала думать надо, потом кулаками махать!..

Корреспондент поджидал Николаева на выходе.

– А все-таки скажите, вот так, с глазу на глаз, – за что вы его ударили?

– А что, целовать его? – ответил за Николаева Сеницын. – Отрастил волосся...

– А будь ваша воля, вы бы всех остригли наголо и заставили ходить строем? – усмехнулся корреспондент.

Некоторое время Сеницын в упор с ненавистью смотрел на него, потом повернулся и молча вышел из отделения.

– Не тронь никого... – буркнул он, садясь рядом с Николаевым в машину. – Да пропади пропадом! На глазах насиловать будут – не подойду!

Мимо проехал на своем жигуле корреспондент. Сеницын проводил его взглядом.

– Машина грязная, – удовлетворенно отметил он. – Догоним, штрафанем?

– Да иди ты... – сказал Николаев.

Вернувшись домой, он натянул старый тренировочный костюм и присел рядом с женой и дедом перед телевизором. Тут же зазвонил телефон в коридоре. Николаев нехотя поднялся.

– Слушаю.

– Машка, это ты? Это я – Валера. Слушай, бросай все – вали сюда! – донесся веселый Валеркин голос. – Не узнала, что ли? Это Валера! Быстро приезжай – не пожалеешь!

– Ты что, пьяная, что ли? – раздраженно спросил Николаев.

– Нет! Только не вешай трубку! Ну, ты тупая, Машка, вообще! – отчаянно-весело закричала Валерка. – Говорю – приезжай! Здесь крутая тусовка! Крутейшая! Такие кенты – упадешь! Давай сюда!

– Ты... влипла в историю? – тише спросил Николаев. Он дотянулся до двери в комнату, прикрыл.

– Ну да! Да! Врубилась, наконец! – на том конце провода началась возня, видно, кто-то из «крутых кентов» рвал у нее трубку, желая лично поговорить с подругой Машей. – Тихо, там черепа на параллельном, – негромко, но так, чтобы было слышно Николаеву, сказала Валерка.

– Мне приехать? – тревожно спросил Николаев.

– Ну, конечно!

– Вызвать милицию?

– Нет-нет-нет!

– Сколько их?

– Сейчас, – Валерка весело начала считать, – раз, два, три, четыре! На тебя хватит! Такие мальчишки...

– Где ты?

– Сейчас объясню... Какой адрес? – торопливо зашептала она. – Да, да, на моторе... Новокузнецкая, двадцать семь, квартира девять. Второй этаж. Бери тачку, без тебя не начнем, не волнуйся!

Николаев подхватил с вешалки куртку.

– Ты куда? – выглянула из комнаты жена.

– Майор просил подъехать. Я быстро.

– Ну, конечно! Без тебя обойтись не могут... – начала было жена, но Николаев уже бежал вниз по лестнице...

На Новокузнецкой у старого дома с арками он выскочил из машины. Мотор глушить не стал, вытащил из-под сиденья обрезок литой резиновой трубы с металлической оплеткой, спрятал под курткой.

У квартиры номер девять прислушался к голосам, коротко позвонил и замер затаив дыхание. Щелкнул замок, Николаев тотчас ногой отбросил дверь вместе с хозяином и побежал по коридору. В комнате, освещенной только шаром настольной лампы, увидел Валерку – ее уже раздели по пояс, двое прижимали ее к дивану, третий пытался стащить джинсы. Парни разом обернулись к Николаеву. Валерка вырвалась, вскочила. Один из парней поймал ее за плечо, вывернул руку, другой встал перед Николаевым, раскорячившись, выставив вперед ладони.

– Отпусти ее, быстро! – Николаев выхватил из-под куртки дубинку, отступил к стене, чтобы видеть оставшегося сзади в коридоре хозяина.

– Боб, отпусти! – спокойно сказал загорелый, коротко стриженный парень. – Только без шума! Алик, без шума! – остановил он каратиста.

Валерка подобрала с пола свитер и куртку, подбежала к отцу. Ее будто прорвало, слезы брызнули фонтаном:

– Подонки!.. Суки! Скоты!..

Николаев подталкивал ее к двери, отступая лицом к парням, сжимая в руке дубинку.

– Актриса... – улыбаясь, сказал загорелый. – Ничего, скоро увидимся...

Николаев быстро повел ее вниз по лестнице, отводя глаза от белеющего в сумерках тонкого тела дочери. Валерка шла вслепую, ничего не видя из-за слез, путаясь в рукавах, натягивала свитер. На улице она подскочила к белой «восьмерке», стоящей у подъезда, пнула ногой в дверцу, оглянулась, ища что-нибудь тяжелое. Николаев оттащил ее и усадил в машину. И только тогда чуть расслабился, глянул на жесткую ладонь, на которой остался рубчатый узор металлической оплетки, с удивлением отметил, что трясутся пальцы.

Валерка молча плакала рядом, стиснув зубы, опустив голову. Николаев посмотрел на нее, неожиданно дрогнувшим голосом сказал:

– Ничего... Все нормально... Ничего... – неумело погладил ее по взъерошенным желтым вихрам. Валерка досадливо отдернула голову.

По дороге домой Николаев несколько раз оглянулся, нет ли на хвосте «восьмерки» – на случай, если веселые ребята решили проследить, где Валерка живет. Дочь понемногу успокоилась, угрюмо смотрела в колени.

У дверей, доставая ключи, Николаев тихо сказал:

– Сразу в ванную, умойся. И чтоб мать ничего...

Валерка молча кивнула.

Николаев открыл дверь, прошел в комнату.

– Ерунда какая-то, – сказал он. – Дергают по каждому пустяку...

– Валерка пришла? – спросила жена, прислушиваясь к шагам в коридоре.

– Да... встретились во дворе. Что там у нас? – Николаев с преувеличенным интересом уставился на экран.

В отделении шел последний инструктаж перед операцией. Инспекторы сидели в кожаных куртках, перепоясанные португееми, смотрели на карту города, по которой скользила указка.

– Наиболее вероятные направления движения, – показывал майор, – Вернадского, набережные, Университетский. Соответственно работают группы Дубинина, Тимашова, Полярина. Всем быть на связи... Что еще? Действовать по возможности корректно, на провокации не отвечать. За одиночками не гоняться, а то побьются сдуру... Ну, в общем, все как всегда. По машинам!..

Инспекторы стали расходиться. Майор окликнул Николаева и Сеницына.

– А вам, так сказать, особая честь, – ухмыльнулся он. – Поможете нашей прессе. Наш добрый знакомый – товарищ Новицкий, – он указал на корреспондента, до того незаметно сидевшего в дальнем углу кабинета с диктофоном в руке, – хочет быть в гуще, так сказать, событий. Будни работников автоинспекции. Все ясно? – спросил майор, обращаясь к Николаеву.

– Ясно, – буркнул тот, неприязненно глянув на «доброего знакомого».

Патрульные машины одна за другой отваливали от подъезда, выворачивали на улицу...

В Лужниках рядом с огромной чашей стадиона грохотали сотни моторов, мечущиеся лучи фар выхватывали из темноты сверкающие спицы колес, шлемы-колокола с узкой прорезью для глаз, черные куртки со стальными бляхами. Вся эта темная масса находилась в непрерывном хаотическом движении.

Николаев, Сеницын и корреспондент сидели в машине у перекрестка узких старых улиц. Поодаль, на асфальтовой площадке, стояли порожние трейлеры, дальнбойщики ужинали в кабинах.

Монотонно хрипела рация. Сеницын курил, пытаясь выдохнуть ровное кольцо дыма, Николаев сосредоточенно отскребал въевшееся в пальцы масло, корреспондент на заднем сиденье нетерпеливо ждал событий.

– А что будет ребятам? – спросил он.

– А ничего не будет, – ответил Сеницын. – Родители штраф заплатят...

– А вы, конечно, считаете, что их надо бы в колонию отправить?

Сеницын дернулся на месте, но промолчал.

– Наверное, проще было бы не устраивать вот такие засады, а организовать ребят, увлечь общим делом, – сказал корреспондент.

– Предлагали. Кланялись. Нате вам инструкторов, чего хотите... А им не надо ничего. Только потрястись под металл как паралитикам, прокатиться без глушителя да потрахаться в подъезде как собачонкам...

– Как у вас все просто, – усмехнулся корреспондент.

– А чего сложного?... Это вы пишете черт-те что, а мы расхлебываем.

– А вы считаете, что если закрыть глаза, то исчезнут и рокеры, и проституция, и наркомания?

– Пока не писали, меньше было. А теперь как же, герои! В газетах – про них, радио – про них, телек включишь – и там про них! Раньше космонавтов показывали, теперь б... валютных!

Николаев вышел из машины, втиснулся в будку автомата, позвонил домой. Ответила жена.

– Валерка вернулась?

– С чего бы в такую рань...

– Не звонила?

– А когда она тебе звонила? – завелась жена. – Когда ей звонить – опять с мужиком где-нибудь...

– Ладно, все. – Николаев повесил трубку, вернулся в машину.

– А вам не кажется, что эти ребята оказались честнее и смелее всех нас? И беззащитнее, – ораторствовал корреспондент. – Когда все молчали и закрывали глаза...

В хаотическом движении около стадиона вдруг появилась какая-то осмысленность, какой-то вектор, указывающий направление. Моторы загрохотали громче, из выхлопных труб полетели искры. Разогнавшись по кругу, вытягиваясь в колонну, темная масса выплеснулась на проспект и понеслась по центру проезжей части. Встречные машины жались к обочинам.

– Внимание, всем постам! Рокеры на Вернадского!.. – По радио началась переключка, постовые сообщали направление движения колонны.

Корреспондент, подавшись вперед, впился взглядом в рацию, стараясь не пропустить ни слова.

– Прошли по набережной. До двухсот машин... Свернули к Пироговке...

– Семнадцатый! Николаев! – послышался голос майора. – Идут к тебе! Начали!

– Принял семнадцатый! – чуть приподняв трубку, крикнул Николаев. Они с Синицыным побежали к дальнобойщикам. Корреспондент бросился следом.

Тяжелые машины стали медленно разворачиваться, перегораживая улицу. Издалека уже надвигался плотный рев моторов. В конце темной улицы заметался свет фар, и появилась колонна. Задние светили в спину первым, отчего темные силуэты мотоциклов были окружены фосфорическим сиянием.

Увидев препятствие, первые ряды ударили по тормозам, задние напирали, строй смешался, завизжали шины по мокрой мостовой. Рокеры разворачивались, кто-то повалился с мотоциклом под колеса идущим следом. А в конце улицы уже выворачивал тягач с полуприцепом, закрывая путь к отступлению.

– Эй, уйди! – заорал Николаев корреспонденту, который стоял у тротуара, подняв над головой диктофон, с радостным интересом глядя на моторизованную орду. – Уйди, писатель!!!

Крик утонул в грохоте моторов. Один из рокеров зацепил журналиста широким спортивным рулем, тот качнулся назад и столкнулся с другим, упал и исчез в ревущем водовороте.

– Всем остановиться! Приготовить документы! – прогремели динамики с патрульной машины.

Но рокеры – почти две сотни мотоциклов – оказавшись в западне, не желали сдаваться, кружились на месте, гарцевали на заднем колесе, накатываясь на милиционеров, угрожающе газовали. Те, лавируя между мотоциклами, как тореадоры, стаскивали ездовых с седла, выдергивали ключи из замков. Из окрестных домов смотрели на окутанное дымом поле боя разбуженные жители.

Вскоре прибыло милицейское подкрепление, и стало ясно, что сегодня рокерам не уйти. Они сами начали глушить моторы.

Кланяясь на каждом шагу, будто баюкая на груди перебитую руку, появился корреспондент в разорванной грязной куртке. Его увели к патрульным машинам.

– Набрал материалу! – хохотнул Сеницын. – На роман хватит!

В этот момент кто-то из рокеров случайно налетел на ограду сквера. Тяжелая чугунная решетка неожиданно рухнула, и рокеры устремились в открывшийся ход. Проскочить успели человек десять. Сеницын бросился к машине, Николаев на ходу запрыгнул на сиденье рядом с ним.

Рокеры, погасив огни, мчались по темной улице, двое увильнули в переулок, еще несколько скрылись в проходном дворе, другие свернули на крутой зеленый газон и, помогая мотоциклу ногами, вспахивая колесами землю, вскарабкались наверх.

В свете фар патрульного «москвича» остался один мотоциклист. Сеницын почти настиг его, и у парня уже не было возможности притормозить, чтобы свернуть куда-нибудь. Он выкрутил до упора газ и мчался вперед напропалую.

– Брось, разобьется! – крикнул Николаев.

– Хоть одного, но достану! – зловеще сказал Сеницын. Он, цепко прищурившись, будто прицелившись в спину рокеру, гнал машину по центру узкой улицы. – Врешь, паразит... от меня не уйдешь!

Внезапно перед мотоциклом возник из темноты полосатый щит дорожного ремонта. Не успев даже затормозить, рокер врезался в него, перелетел через руль и покатился по асфальту.

Сеницын и Николаев одновременно выскочили из машины, подбежали к рокеру. Тот неподвижно распластался на краю глубокой траншеи, неловко подмяв под себя руку.

– Убился, что ли? – испуганно сказал Сеницын.

Николаев присел, осторожно повернул рокера за плечо, расстегнул ремешок шлема и снял «колокол». Рокер оказался мальчишкой лет пятнадцати, из носа и из ушей у него текла кровь.

– Слушай, поехали, – сказал Сеницын. – Знаешь, что будет...

– Скорую вызови, – не оборачиваясь, сказал Николаев.

Мальчишка вдруг открыл глаза и зашептал, еле шевеля губами:

– Ой, мама, мама... мамочка... ой, мама... – как заведенный.

– Слушай, брось, – Сеницын торопливо оглядывался на окна – улица была нежилая. – Брось, сам разбился...

Николаев поднялся, сгреб его за ворот куртки, притянул к себе и толкнул к машине.

– Скорую, – ровным голосом сказал он.

– Как знаешь. Ты старший. Тебе виднее. – Сеницын пошел к машине.

Николаев снова присел, попытался поднять парня, тот охнул и быстрее зашевелил губами:

– Ой, мамочка... больно... больно... больно.

Николаев подоткнул ему шапку под голову и стал ждать скорую, тоскливо глядя в темный провал улицы.

В отделении майор сердито проворчал:

– Ну что, загнали парня? Работнички. Костоломы.

Гаишники возвращались в отделение, оживленно обсуждая удачную операцию.

– Пиши рапорт, – сказал майор.

Николаев взял со стола лист бумаги и пошел к двери.

– Кто за рулем-то был? – окликнул его майор.

– Какая разница, – буркнул Николаев.

– Ну что ж, будем разбираться.

– Разбирайтесь.

На выходе из школы Валерку догнал Киселев.

– Слышь, Авария! Погоди, поговорить надо...

С ним подошли Кирилл, Пухлый и еще несколько ребят.

– Это... история завтра, – сказал Киселев.

– Понимаешь, Валера. – Кирилл сложил пальцы щепотью и приготовился рассуждать. – Каждое действие имеет свои границы, пределы, м-м... ограничивающие направление. Выходя за эти рамки, можно довести идею до абсурда, до противоположности. Понимаешь, экстремизм порочит саму идею...

– Короче, Авария, – сказал Киселев. – Хватит этих концертов. Нам экзамены сдавать. Вера уже обещала сладкую жизнь. Она сделает.

– Правда, Валер, кончай... – сказал Пухлый.

Валерка оглядела одноклассников, улыбнулась. И пошла, закинув сумку за плечо.

– Короче, мы тебя предупредили, – сказал вслед Киселев.

Дома Валерка размахнулась и с порога запустила сумку в угол. Врубила на полную мощность металл и под бешеную музыку, надменно глядя в зеркало, рисовала до висков черные тени вокруг глаз, фиолетовый румянец на щеках, натягивала кожаные браслеты с шипами, куртку и обрезанные перчатки, обматывала вокруг шеи холодную цепь...

Она шагала по вечерней улице, сунув руки в карманы, нагло, с вызовом заглядывая в лица прохожих...

Параллельно, чуть сзади, двигалась белая «восьмерка». Четверо парней курили, внимательно наблюдая за Валеркой.

– Не торопись, Боб, – сказал загорелый водителю.

– Бросьте, мужики, – нервно засмеялся сидящий сзади. – Собирались же в «Арбат». Там и снимем...

– Успеем, – глянул Боб на часы. – Забавно ведь.

– Лично я чувствую себя оскорбленным, – сказал загорелый.

– Солидарен, – сказал каратист.

Валерка свернула в переулок, Боб повернул следом.

– Нет, мужики, без меня! – Парень, сидящий сзади, не выдержал, попытался выбраться из машины, каратист и загорелый удержали его, в салоне началась веселая возня. – За пять минут удовольствия десять лет на нарах!

– Да ничего не будет! Поиграем немного и отпустим.

– Ты хорошо о них думаешь, – сказал загорелый. – Отряхнется как курочка и дальше пойдет...

Они втащили упирающуюся Валерку в уже знакомую ей комнату. Отпустили и расступились на шаг, нервно, азартно посмеиваясь. Загорелый сел напротив в кресло, закинув ногу на ногу, неторопливо прикурил.

– Ну что? – спросил он. – Сегодня обойдемся без подружки Маши?

Валерка рванула в одну сторону, в другую – парни сторожили каждое ее движение, толкали друг к другу. Она прижалась спиной к стене, затравленно озираясь.

– Понимаешь, деточка, – менторским тоном сказал загорелый, – существуют какие-то элементарные правила игры. Хочешь покататься на красивой машине – плати. Или уж не садись...

– Отпустите меня!.. Вы!.. Ну, ты, отойди, вообще! – металась Валерка между парнями. – У меня отец в милиции работает, понял? А-а-а!!! – вдруг истошно завопила она.

Парни весело, с удовольствием смеялись. Загорелый, не вставая, врубил магнитофон на полную громкость, заглушая крик.

– Сама или помочь? – Каратист взялся за молнию у нее на куртке.

Валерка с силой ударила его головой в лицо и бросилась к двери. Боб поймал ее за цепь и рванул к себе, намотал цепь на кулак, так что звенья врезались в горло.

Парни перестали улыбаться. Каратист вытер кровь с губы.

– Ах ты, сучка... – медленно протянул он.

Двое прижали Валеркины руки к стене, и каратист стал не торопясь, сильно, умело бить ее по лицу, в живот. Валерка уже не сопротивлялась, только плакала от боли и бессилия. У нее подогнулись ноги, ее рывком подняли и поставили на место.

– Хватит, Алик, – сказал загорелый. Он встал и, не выпуская сигарету изо рта, щуря глаза от дыма, неторопливо принялся раздеваться. Разделся догола и, поигрывая рельефной, тренированной мускулатурой, подошел вплотную.

Окровавленная, растерзанная Валерка слабо попыталась освободиться, ее удержали.

– Ну... ну... – загорелый распахнул на ней куртку, стал одной за другой, растягивая удовольствие, расстегивать пуговицы на рубашке, молнию на джинсах.

Валерка, распятая у стены, отворачивалась, закрывала глаза, беззвучно плакала.

Николаев махнул жезлом, и «мерседес» серебристой окраски, нахально срезавший нос соседу, остановился перед патрульной машиной. Водитель, высокий, спортивный парень, вылез из «мерса» и пошел навстречу.

– Старший инспектор Николаев. Почему нарушаете?

– Командир, давай без риторических вопросов. Со всяким бывает, – спокойно сказал парень, протягивая права.

– Почему со мной не бывает? – сухо спросил Николаев. – А это что? – В правах лежал новенький, негнутый червонец.

– А это экономический стимул, – усмехнулся парень. – Рублем по карману – в свете последних постановлений...

– Штраф вы заплатите, – медленно, четко сказал Николаев, с ненавистью глядя в уверенное, красивое лицо парня. – Только не мне, а в сберкассах.

– Зачем лишние инстанции, командир? Мне ведь все равно, кому платить.

– Мне не все равно, – отрезал Николаев, доставая компостер.

Парень насмешливо оглядел его.

– Смешной ты, командир. Завтра у меня будут чистые права, а вот у тебя этого червонца не будет.

– Это ваше дело, – буркнул Николаев.

По рации вызывали «семнадцатого». Николаев открыл дверцу, взял трубку.

– Николаев, слушаю.

– Николаев? – донесся голос дежурного. – Позвони домой – жена просила.

Николаев почувствовал, что сердце проваливается в холодную пустоту, как тогда в подвале, перед сидящими у стены куклами с мутными полиэтиленовыми пакетами на голове.

– Что там? – спросил он.

– Не знаю. Умоляла позвонить или приехать, как сможешь.

Николаев бросил трубку и врубил скорость.

– Эй, командир, – заорал вслед растерянный парень. – А права?...

Грохоча сапогами, Николаев взбежал по лестнице, распахнул дверь. Жена на мгновение обратила к нему безумное лицо и снова кинулась в комнату дочери.

– Доигралась, дрянь! Нагулялась! Так тебе и надо, потаскуха!

Валерка, в изорванной грязной рубашке лежавшая ничком на диване, поднялась на колени – разбитые губы сочились кровью, кровь коркой засохла под носом, по щеке тянулись следы от ногтей.

– Уйди! Уйдите все от меня! – Она судорожно оглядывалась по сторонам, схватила магнитофон и запустила в мать.

Магнитофон грохнулся о стену рядом с Николаевым, корпус треснул и разлетелся. Валерка снова упала ничком на диван, уткнув лицо в ладони.

– Господи... – Мать, покачиваясь, пошла в другую комнату. – За что мне это... Господи, за что... Почему только мне... – Она села, хватаясь за сердце.

– Сейчас... сейчас... – Дед суетился, вытряхивал валидол на ладонь, рассыпая таблетки по полу. Обернулся к Николаеву: – Сообщить же надо... На экспертизу...

Николаев стоял молча, глядя на рыдающую жену. Потом вошел к дочери, осторожно присел рядом. Валерка дрожала всем телом, с силой вжимаясь лицом в ладони. Рубашка на спине у нее была изжевана.

– Я сейчас уйду... – сказал Николаев. – Только скажи... это они?...

Валерка вдруг повернулась, вцепилась в его шинель двумя руками, прижалась окровавленным лицом и не заревела даже – завывала страшным, низким голосом. Николаев торопливо гладил ее по сваланным желтым вихрам, сжимая дрожащие губы, чтобы не заплакать самому от жалости и отчаяния, смотрел с ненавистью куда-то в пространство...

Он оставил патрульную машину под аркой старого дома на Новокузнецкой. Позвонил в девятую квартиру и замер, ссутулившись перед броском.

В квартире было тихо.

Он позвонил еще раз – звонок гулко прогремел в тишине. Николаев толкнул дверь, она неожиданно открылась. Он нащупал выключатель, загорелась тусклая лампочка на кривом шнуре. Прошел в комнату, включил свет. Глянул на скомканную, чуть не узлом закрученную постель, отвернулся.

В прошлый визит не было времени разглядывать полутемную комнату, теперь же он заметил, что обставлена она старой и разнокалиберной мебелью, а пестрые плакаты с аппетитными японками прикрывают драные обои.

Он заглянул в смежную – здесь был только длинный стол с грязной посудой, несколько колченогих стульев и батарея пустых бутылок вдоль стены.

Уже догадываясь, в чем дело, Николаев вышел из квартиры и открыл дверь в соседнюю – на полу валялся мусор, по углам колыхалась паутина, сквозь мутные окна едва просвечивали уличные фонари. Дом был давно выселен, а ребята быстро свернули бордель и исчезли, растворились в огромном городе.

Николаев вдруг обнаружил, что держит ладонь на рукояти пистолета, отдернул руку и застегнул кобуру.

Спустившись на улицу, Николаев оглянулся: старый дом мрачно темнел среди расцветенных огнями соседей, окна кое-где скалились выбитыми стеклами...

На следующий день Николаев зашел в отдел регистрации. Кивнул молоденькой симпатичной девчонке в ладно пригнанной форме с лейтенантскими погонами.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич, – с готовностью улыбнулась та. – Что-то не видно вас, не заходите.

– Да... Дела... – Николаев ждал, пока выйдет капитан, завязывающий тесемки на пухлой папке. – Дела, все дела...

– Заметно... – хихикнула девчонка.

У Николаева было мятое, осунувшееся лицо, глаза ввалились – он провел бессонную ночь, с замиранием сердца прислушиваясь к каждому шороху в комнате дочери.

– Алексей Николаевич, – понизив голос, сочувственно спросила девчонка, – а за что вам звание задержали? Я прямо так расстроилась...

– А?... Да... – невпопад сказал Николаев, с трудом понимая, о чем речь. Капитан, наконец, вышел, и он наклонился к девушке. – Галя, можно вас попросить... личная просьба...

– Конечно.

– Владельцы «жигулей», «восьмерка», слоновая кость или белая...

– По району?

– По городу.

– А номер?

– Мне бы фотографии посмотреть.

– Да что вы, Алексей Николаевич! – растерянно улыбнулась Галя. – Вы представляете, сколько их? А если по доверенности? Или в угоне?

– Да, конечно, – кивнул Николаев. – Не подумал. Извините...

– А что случилось, Алексей Николаевич? – крикнула Галя, но Николаев торопливо закрыл дверь.

На третий день Валерка сама собралась в школу. Николаев подвез ее. Валерка сидела рядом тихая, бесцветная, как собственная тень.

– Тебя встретить? – спросил он.

– Как хочешь.

– Валера... – начал Николаев.

– Я ничего не помню, – торопливо сказала Валерка.

– Послушай, я только...

– Я ничего не помню, – зазвеневшим от напряжения голосом повторила Валерка.

Она вышла и медленно побрела к школе, мгновенно исчезнув, растворившись в толпе ребят и девчонок, одетых в одинаковую синюю форму.

На Калининском было столпотворение: из ресторанов выпроваживали посетителей. Солидные мужики со сбившимися набок галстуками и сопливые ребятишки в вареных штанах со снятыми в ресторане девицами ловили такси. Вдоль проезжей части выстроилась длинная голосующая очередь.

Николаев, прикрывая лицо поднятым воротником плаща, двигался сквозь толпу, цепко разглядывая компании. Москва велика только для приезжего, для москвича она – лишь несколько привычных маршрутов. Валерка тусовалась в этом районе и, скорее всего, пересеклась с компанией загорелого где-то здесь. В любом случае это была единственная возможность найти «восьмерочную» компанию. Теперь Валерка сидела дома, а Николаев каждый вечер бродил по Калининскому, расспрашивал швейцаров, вглядывался в лица...

Кавказцы по-хозяйски вели толстоногих девок не первой свежести. Мальчик с тонким холеным лицом и ледяными бесцветными глазами в сопровождении двух телохранителей сел в подъехавший «мерседес». Взрослые парни тащили в такси пьяную в дым девчонку, ровесницу Валерки. Девчонка упиралась, пыталась с пьяной деловитостью объяснить что-то заплетавшимся языком, парни посмеивались у нее за спиной, таксист равнодушно ждал с открытой дверцей.

Николаев оглянулся: постовой милиционер скучно смотрел в сторону.

Такси шли одно за другим, будто собрались сюда со всех концов Москвы. Кто-то кинулся к зеленому огоньку, опережая стоящих впереди, ему поставили подножку, началось выяснение отношений, сотоварищи разводили сцепившихся парней, один из них угрожающе держал в кармане напряженную руку.

Николаев спустился в переход. К нему подвалил крепкий коренастый малый в джинсовой кепке, глядя в сторону, спросил:

– Отец, девочку надо?

Николаев резко остановился, в упор взглянул на него. Сутенер понял это по-своему и кивнул себе за плечо. Там стояла, прислонившись к кафельной стене, тонкая девочка с милым чистым лицом отличницы-приготовишки, в короткой голубой, похожей на школьную, юбочке и черных ажурных чулках. Она безучастно смотрела перед собой плоскими невидящими глазами, зрачки были расширены.

– Эту? – спросил Николаев.

– Не нравится? – усмехнулся парень. – Тогда извини...

– Сколько ей?

– Тринадцать.

– Сколько?!

– Тринадцать. Суеверный, что ли? – засмеялся своей шутке парень. – Ну? Да – нет? Стольник на час, трешник за ночь.

– Пошли, – сказал Николаев. – На час.

Сутенер грубовато взял девчонку за локоть, повернул, и она покорно пошла, так же бессмысленно глядя в пространство.

– Давно она?... – спросил Николаев, когда они вышли на проспект.

– Не волнуйся, дело знает.

Они свернули под арку.

– погоди, – Николаев остановился. Быстро оглянулся по сторонам – никого – и изо всей силы ударил парня снизу в челюсть. Тот лязгнул зубами, отлетел, глухо стукнулся затылком в стену и стал сползать на асфальт. Николаев подхватил его, не давая упасть, замолотил кулаками, постанывая от ненависти. Схватил его за волосы, повернул лицом к равнодушно стоящей рядом девочке:

– Дело знает? Ей же тринадцать, пес! Ей же в куклы играть! – он с размаху ударил сутенера лицом об стену.

В арку вошла женщина, тотчас кинулась обратно:

– Милиция! Милиция! Кто-нибудь, помогите!

Николаев, последний раз пнув парня, бросился бежать в проходной двор. На бегу оглянулся – сутенер кулем лежал у ног неподвижно стоящей девочки.

Послышался стук подкованных сапог; в арке, усиленный эхом, залился милицейский свисток. Николаев, оскальзываясь на мокром асфальте, перепрыгивая через какие-то перила, детские песочницы, промчался по старым арбатским дворам, очутился на Садовом. Здесь остановился, переводя дыхание, огляделся, одернул плащ, сорвал с дерева несколько листьев и пошел к метро, вытирая кровь с дрожащих пальцев.

Как обычно в последние дни, он встретил Валерку после уроков. Она села в машину, накинула ремень и сложила руки на коленях, какая-то заторможенная, неживая.

– Как там? – спросил Николаев, трогая с места.

– Нормально...

Николаев искоса поглядывал на дочь – она пусто смотрела перед собой, безвольно покачиваясь на неровностях дороги.

– Ты бы гуляла хоть немного, – сказал он.

– Не хочу...

– А хочешь, – осторожно предложил Николаев, – пойдем вместе. Подышим немного...

– Не хочу, пап.

В стенном шкафу, там, где обувь, Николаев разыскал свою старую кожаную куртку. Примерил перед зеркалом. Она уже не сходилась на животе, он распахнул ее пошире, поднял ворот-

ник. Приколол пару Валеркиных значков с чьими-то ублюдочными рожами. Долго, мрачно разглядывал себя в зеркале...

Он оставил машину на стоянке и двинулся по вечерней улице, глубоко засунув руки в карманы, внимательно поглядывая по сторонам. Пробежался и запрыгнул в автобус.

Автобус был битком набит, Николаева прижали к толстой пожилой тетке. Та неприязненно оглядела его наряд, значки, покачала головой и демонстративно отвернулась.

– В чем дело? – спросил Николаев.

Тетка снова покачала головой. Громко сказала, привлекая внимание пассажиров:

– Совсем уж с ума посходили! Седина в бороду, а туда же...

– Вам что, мои значки жить мешают? – раздраженно спросил Николаев.

– А ты на меня голос не повышай! В милицию сдам, там тебя научат разговаривать!..

Николаев выскочил из автобуса на следующей остановке, постучал пальцем по лбу, крикнул:

– Лечиться надо, бабушка! Не доживешь до коммунизма!

Железные дверцы захлопнулись, отсекая возмущенные голоса пассажиров. Николаев выудил из кармана сигарету, прикурил.

– Не выключай! – к нему подвалил подросток, склонился над спичкой, прикрывая огонь ладонями. Николаев сверху смотрел на взбитые петушком волосы.

– Слушай, чувак... – развязным тоном начал он.

– Чего-о? – подросток поднял голову, и Николаев разглядел в темноте накрашенные глаза и серьги в ушах. – Нанюхался, что ли? – Девчонка заржала и пошла к своей компании, оглядываясь на Николаева.

Он усмехнулся, выбросил спичку и двинулся дальше. Тут и там тусовались разномастные компании. Николаев впервые обратил внимание, что, несмотря на угрожающий вид, дикие вопли и махание руками, вся энергия направлена внутрь компании, никому дела нет до испуганно шарахающихся прохожих. Большинство компаний сидели или стояли в кружок, отгородившись спинами от остального мира.

Он переходил от одной тусовки к другой, слушал орущий на всю улицу магнитофон с битломанами, присел на корточки около хрипатога «под Высоцкого» парня с гитарой, мимоходом спрашивал про «восьмерку». Воспринимали его без интереса, но и без неприязни.

Уютно светились окна домов. На улице все собирался и никак не мог собраться дождь. С детской площадки между домами вдруг раздался истошный девчоночий визг – Николаев резко обернулся, – и тотчас девчонка захохотала во весь голос.

Николаев подошел ближе, присматриваясь. На низкой скамейке около песочницы тусовалась команда металлистов. Девочка с большой нотной папкой свернула с улицы, срезая дорогу через площадку, но, заметив компанию, опасливо обогнула ее по дорожке.

В компании шел треп, рыжая девчонка, увешанная железными бляхами, как породистый пес, тыкала пальцем, торчащим из обрезанной перчатки, толстяка в кожаном картузе:

– Толстый, а толстый...

– Отста-ань...

– Толстый, а почему ты такой толстый?

– Ну, отста-ань...

– Нет, толстый, тебя кормили много, да?

Двое напевали что-то забойное, отстукивая ритм по коленкам:

– Та-тата-тата! Тата-та! Нет, здесь так: та-та...

– Да не: тата-та-та...

– Смотри, – вдруг коротко, напряженно сказала девчонка.

Все разом обернулись, замолчав: к площадке неторопливо приближались возникшие из серой ненастной темени квадратные парни. Один бесцеремонно наклонил толстяка, глянул на замысловатый рисунок на спине, похлопал по плечу:

– Металл?

– А чего? – толстяк попытался встать.

– Сиди, сиди, – остановил его квадратный. И вдруг резко ударил его крюком снизу. Толстяк перевалился через скамейку, картуз покатился в кусты.

Другой схватил значок на груди у девчонки.

– Чего... Отвали, – девчонка отбросила его руку, но квадратный ударил ее тыльной стороной ладони по лицу. Ослепленная девчонка отлетела в песочницу, закрывая лицо руками. Из разбитого носа хлынула кровь.

– Эй, парни! – Николаев шагнул вперед. – Вы что, озверели? Что они вам сделали?

Квадратные обернули к нему одинаковые серые, безо всякого выражения лица, быстро глянули ему за спину и вокруг – один или кто-то еще на подходе? Тот, который ударил девчонку, так же взялся за значок у него на куртке:

– Ну, дядя, несолидно...

Николаев сбил захват, увернулся от кулака, отскочил, крикнул:

– Сержант!

Милицейский сержант, шествующий по другой стороне улицы, неторопливо свернул за угол.

На Николаева бросились сразу трое. Он был не слабее любого из них, но он с ними дрался, а они – работали, именно работали, уверенно, профессионально, без лишних движений, крепко стоя на мощных ногах. Николаев упал, покатился по песку, его догоняли, били ногами, он сумел-таки встать, выхватил из внутреннего кармана дубинку:

– А-а, суки! – с размаху достал одного по плечу, тот с повисшей плетью рукой согнулся и ушел куда-то в темноту.

Девчонка вдруг пронзительно, как звереныш, завизжала, бросилась на квадратных и вцепилась одному зубами в руку. Тот бил ее по голове, пытаясь отодрать, взвыл сам, рванул руку – ноги девчонки оторвались от земли, она повисла на зубах, как собачонка, – раскрутил и отбросил в сторону.

Открылось окно ближнего дома, мужской голос крикнул:

– А ну, кончай! Милицию вызову! Каждый день!

Квадратные растворились в темноте. Избитые ребята поднимались с земли, отряхивались, толстяк искал свой кожаный картуз, потерянный в драке.

Николаев в бешенстве кинулся к сержанту, который царственно возник из-за угла.

– Ты что, сержант, ослеп?!

Тот обратил к нему невозмутимое лицо:

– В чем дело?

– Как фамилия? Из какого отделения?

– Что? А ну, документы предъявить! – рявкнул сержант. – Быстро!

– Сейчас... Я тебе предъявлю, сволочь... – Николаев полез в карман за удостоверением.

– Пойдем, – сзади подскочила девчонка, схватила Николаева за рукав, потащила от сержанта. – Не связывайся!

– Четвертый! – сержант демонстративно поднес к губам рацию. – Четвертый, я седьмой... Сейчас узнаешь из какого, – кивнул он Николаеву.

– Ну, пойдем! – девчонка изо всех сил тянула Николаева в сторону.

– Пойди проспись! – насмешливо крикнул вслед сержант.

Николаев рванул было к нему, но девчонка повисла на плече.

– Стрелять таких надо! – заорал он. – Ментура!

Один из ребят провел их к двухэтажному обшарпанному клоповнику на задворках Арбата, открыл дверь своим ключом, и все вошли в длинный, заставленный старой мебелью, тускло освещенный коридор коммуналки. Из ближней комнаты выполз мужик в трусах и жеваной майке.

– А-а... – удовлетворенно протянул он, зевая и оглядывая растерзанную компанию. – Жалко, что мало. Я бы еще добавил.

– Заткнись, череп, – брезгливо бросил парень. Он включил свет в ванной, ребята принялись отмыться от грязи и крови, теснясь вокруг железного умывальника.

Николаев осмотрел себя в рябом треснутом зеркале: потери, в общем, были небольшие – ссадина на виске и разбитая губа. Обычное после драки напряжение ушло, теперь была усталость и безысходная тоска. По сути, эта рыжая девчонка спасла его: уличная драка, сопротивление милиции – верное увольнение. А если бы нашли трубу с оплеткой, могло кончиться еще хуже...

– Сломали, гадство, – сказала девчонка, ощупывая нос. – Теперь с горбом будет...

– А ты держи, чтоб правильно срослось, – посоветовал толстяк.

– За что они вас? – спросил Николаев.

– Пойди, спроси.

– В Подольске фестиваль, гадство, а я с таким рулем... Вообще!

– Во фишка! Я тащусь! – с восторгом сказал толстяк, разглядывая в зеркале багровый кровоподтек под глазом.

– А кто они вообще? – спросил Николаев.

– А-а, как собак нерезаных, – ответил парнишка-хозяин.

– «Ленинцы», наверное. Или «Отечество», – сказал толстяк.

– Хоть домой не ходи, – сказал третий парень. – Отец добьет.

– А ты чего полез? – спросил хозяин.

– А что – смотреть? – удивился Николаев.

– Все смотрят – ничего... Ладно, пошли, – хозяин провел их через громадную кухню и открыл низкую дверь. Раньше здесь была комната для прислуги или кладовка, всю длину комнаты занимал диван, впритык, без стула, стоял стол с разбросанными кассетами, учебниками и тетрадами.

Все, как могли, расселись на диване, девчонка забралась с ногами. Хозяин врубил магнитофон.

– А ты кто вообще? – спросил толстяк.

– Да так... – Николаев пожал плечами. – Знакомых ищу. Не знаешь: Боб, здоровый такой, волосы светлые. Лет тридцать. Еще с ним загорелый, ну смуглый такой. И еще длинный, каратист. На белой «восьмерке»...

– Не, не знаю. Наши на «восьмерках» не ездят...

– Выруби шарманку! – послышался голос из-за двери.

– Исчезни, череп!

– А меня кто-то спрашивал уже, – сказала девчонка.

Николаев напряженно глянул на нее.

– Ну да, Авария приходила... Ох, гадство. – Она снова пощупала переносицу. – Боб, «восьмерка». А этот каратист – Алик. Или Олег...

– Когда приходила? – растерянно спросил Николаев.

– Да сегодня. – Девчонка скосила глаза к носу, пытаясь разглядеть, растет ли уже горб...

Дома Николаев спрятал куртку в шкаф и вошел в комнату к дочери. Валерка сидела над раскрытым учебником и смотрела в окно.

– Занимаешься? – спросил Николаев.

Дочь медленно обернулась к нему.

– Занимаюсь, – тихо сказала она.

– Не гуляла сегодня?

– Нет.

Николаев пристально, испытующе смотрел в глаза дочери. Валерка спокойно выдержала взгляд. Николаев хотел сказать что-то, но только кивнул:

– Занимайся...

В обед на патрульной машине он заскочил домой. С порога глянул на кухню: Валерка только что вернулась из школы и сидела с дедом за столом. Мать разливала суп.

– А вот и я! – торжественно объявил Николаев и поставил перед Валеркой магнитофон. Он отдавал его знакомым ребятам из мастерской, те склеили корпус так, что не было заметно даже швов.

Дочь равнодушно посмотрела на магнитофон.

– Спасибо, пап...

– Убери, мешает, – сказала жена.

Николаев переставил магнитофон на окно, пошел в прихожую, расстегивая портупею, крикнул:

– Наливай, мать. Оголодал что-то! – вернулся на кухню, шаркая шлепанцами, сел за стол, искоса взглянул на дочь. Валерка сидела, опустив ресницы. Она теперь не красилась и выглядела совсем ребенком, на бледной тонкой коже отчетливо проступили веснушки.

– Как здоровье, дед? – бодро спросил Николаев.

– Ничего, живой пока.

– А как гранит науки? – обратился он к дочери.

– Нормально, – тихо ответила Валерка.

– Это хорошо! – Николаев громко подул на суп, начал есть. Снова быстро глянул на дочь, засмеялся: – А у нас анекдот! Все отделение ржало! Как это – вор у вора... Нет: не рой другому яму, да! Тут народный мститель объявился – три раза у фарца машину потрошил. Японскую сигнализацию отключал. Ну, тот, умелец, самострел поставил! Где?! Между спинкой и сиденьем! А самострел возьми и сработай, когда он сам за рулем был! Цепь замкнулась. Машины кругом, ни остановиться, ни к тротуару прорваться – так и едет со стрелой в зад! Орет и едет!

Валерка улыбнулась. Отодвинула тарелку:

– Спасибо, мам, – и пошла к себе.

Николаев проводил ее взглядом, посмотрел на часы, негромко сказал жене:

– Давай быстрее, копаешься, как... не знаю кто...

Валерка затихла в своей комнате. Потом щелкнул замок входной двери. Николаев успел заметить, как дочь, уже в джинсах и куртке, выскользнула из квартиры.

Он разломил котлету вилкой. Вдруг насторожился и, торопливо дожевывая, вышел в прихожую. Огляделся и опрометью бросился в дверь. Вылетел из подъезда, увидел мелькнувшую за угол дома Валеркину куртку и, теряя шлепанцы, побежал вдогонку.

– Валерка! Стой!..

Настиг ее в конце двора, схватил за руку.

– Отдай, – сказал он, с трудом переводя дыхание.

Валерка круглыми сумасшедшими глазами смотрела на него снизу вверх, часто дыша сквозь стиснутые, по-звериному оскаленные зубы.

– Ну? – Николаев протянул ладонь.

Валерка погасла, опустила голову. Вытащила из кармана пистолет, отдала ему. Николаев, не отпуская руку, повел ее домой. Он ничего не спросил и не сказал больше ни слова.

Войдя в свою комнату, Валерка обернулась.

– Все равно убью, – сказала она с такой нечеловеческой ненавистью, что Николаев похолодел...

Николаев с трудом дотянул до конца дежурства. Каждые полчаса он звонил домой и, услышав Валеркин голос, вешал трубку. Единственное, о чем он молился сейчас – чтобы Валерка не ушла до его возвращения. Ясно было, что она нашла парней раньше, чем он. Стащить пистолет не удалось, что она еще придумает? Подожжет несчастную «восьмерку»? Угонит грузовик, чтобы проутюжить ее вместе с парнями? Теперь уже Николаеву наплевать было на этих подонков, пусть живут как хотят, пусть дышат и топчут землю – только бы с ней ничего не случилось...

Он сдал оружие и, проскакивая светофоры на красный свет, помчался домой. Увидев за матовым дверным стеклом силуэт дочери, немного успокоился. Закурил в своей комнате. Посадить ее под замок, пока не перегорит? Все равно не уследишь. Удержишь сегодня – сбежит завтра, через неделю, через месяц, уйдет из дома. А главное – уже никогда не простит ему, снова будет смотреть сквозь него, жить рядом, как на необитаемом острове.

Николаев услышал, что дочь одевается за стеной, отчетливо звякнули металлические бляхи на куртке. Он встал, затаился последний раз, раздавил сигарету в пепельнице и, надевая на ходу кожанку, вышел из квартиры.

Он ждал за углом дома, не спуская глаз с подъезда. Вернулась с работы жена, она, видимо, задержала Валерку очередным скандалом, потому что появилась дочь только минут через двадцать. Николаев двинулся следом.

Валерка спустилась в метро. Николаев стоял на эскалаторе на несколько ступенек выше, пригибаясь за спинами пассажиров. С середины лестницы Валерка побежала вниз, чтобы успеть на поезд. Николаев, прыгая через три ступеньки, вылетел на платформу в тот момент, когда двери с тяжелым пневматическим вздохом закрывались. Двое мальчишек придержали створки, и он вскочил в последний вагон. Не глядя, кивнул мальчишкам и протолкался в начало вагона. Валерка ехала в предпоследнем, привалившись спиной к торцевой двери.

Выйдя за дочерью из метро, Николаев некоторое время переживал, пока Валерка поговорит с окликнувшей ее компанией металлистов, старательно изучал названия журналов в киоске.

Двинувшись дальше, Валерка обернулась махнуть на прощание – и заметила отца. С одеревеневшей спиной, ощущая его взгляд, она прошла еще квартал и юркнула за телефонную будку, замерла, откинув голову к стене. Потом осторожно выглянула сквозь грязное треснувшее стекло будки – отец метался взад и вперед, не зная, в какую сторону идти.

Валерка постояла немного, сосредоточенно глядя под ноги, решительно вышла из-за автомата и, уже не скрываясь, зашагала по проспекту. Наклонилась на ходу, будто бы проверить шнурок на кроссовке, стрельнула глазами назад – отец шел следом. Николаев не подозревал, что дочь уже сама ведет его, и Валерке приходилось тормозить, когда он отставал, слишком уж тщательно маскируясь среди прохожих.

Они вышли на тихую арбатскую улицу, Валерка резко остановилась, прислонившись к стене за полуколонной старого дома. Николаев тотчас отступил к стене за чугунную решетку, ограждающую черный голый сквер. Улица была безлюдна, по всей ее длине стояли, въехав двумя колесами на тротуар, машины, и среди них – белая «восьмерка». Николаев сразу понял, что та самая. Он полез в карман за сигаретами, прикурил, стискивая прыгающую в пальцах сигарету.

Они ждали долго. Николаев докуривал третью сигарету, когда вышли Боб и загорелый с какой-то девицей. Они остановились у машины, загорелый обнимал девушку за бедра, та кокетничала, смеялась.

Валерка, чуть отступив от стены, глянула назад – удостовериться, что отец видит. В это же мгновение Боб случайно повел глазами в ее сторону. И перестал улыбаться. Негромко сказал что-то приятелю. Тот отпустил девушку, убрал руки в карманы и досадливо покачал головой. Появились двое других парней, загорелый шагнул им навстречу и, приобняв, шептал что-то. Каратист скрылся во дворе дома, а загорелый похлопал девушку по плечу, прощаясь, подталкивая в сторону. Та удивленно улыбалась, еще не веря, что ее гонят, потом надулась и, оскорбленно пожав плечами, застучала каблуками прочь по тротуару.

Николаев видел, что парни заметили Валерку и что она не подозревает об этом, не знал, что задумала дочь. Он бросил сигарету и, расстегивая куртку, шагнул из-за ограды. Между тем каратист, обойдя дом со двора, возник за спиной у Валерки. Машина тотчас рванулась назад, на ходу распахнулась дверца. Николаев бросился бегом, но не успел – каратист затолкнул Валерку в машину, и «восьмерка» отъехала.

Николаев заметался по пустынной улице. «Восьмерка» уже сворачивала за угол. Он локтем разбил стекло новенького сверкающего, как елочная игрушка, жигуленка, открыл дверь, вырвал жгут проводов из замка зажигания, замкнул накоротко и, прокрутив колесами по асфальту, ринулся следом. Из дома выскочил лысоватый мужичок в очках, он успел ухватиться за заднее крыло своего жигуля, будто надеялся удержать его, и побежал к автомату.

В «восьмерке» Валерка сидела между двумя парнями. Ее держали за руки, но она даже не пыталась вырываться, только поглядывала в заднее стекло.

– Ну? – раздраженно обернулся загорелый. – Чего ты за нами таскаешься? Понравилось? Да? Еще хочешь?

– Ага. Хочу!

Николаев догонял «восьмерку».

– Ну вот что, – сказал загорелый. – Давай договоримся: еще раз тебя увижу – и ты свое получишь! Плохо будет, поняла? – Валерка все ухмылялась, и это сбивало его с толку. – Поняла?! Забудешь, как мать зовут! Ч-черт, связались... Все, вали отсюда! Дешевка! Боб, остави...

Боб затормозил, и тут же парней бросило назад – Николаев не успел остановиться и ударил «восьмерку» в бампер. Они разом обернулись – Боб, набычившись, даже дверцу приоткрыл, чтобы выйти разобраться, – и увидели, наконец, Николаева.

– Боб, гони! – Но тот сам уже врубил скорость, и «восьмерка» рванул с места.

Валерка торжествующе захохотала.

– Что, навалили, скоты?! Вы свое получите, поняли? Он вас всех убьет! У него пистолет, понял, ты?!

Был вечерний час пик, центр Москвы был запружен машинами. «Восьмерка» и Николаев лавировали в плотном потоке, мчались то в затылок, то расходясь в разные полосы. Впереди вспыхнул желтый свет, и тотчас машины замигали стоп-сигналами, выстраиваясь в ряд перед светофором. «Восьмерка» успела протиснуться у тротуара, Николаев проскочил по встречной полосе. Постовой свистнул вслед и побежал к своему стеклянному «стакану», к рации.

– Чего ему надо?... – загорелый тревожно оглядывался в заднее стекло. – Боб, оторвись! Что ты плетешься, как беременный!

– Как я оторвусь – пять человек! У меня не грузовик!

– Ха! Зря спешите! – торжествовала Валерка. – Он все равно догонит! Он в милиции работает, поняли!

– Да заткните ей пасть!

На следующем перекрестке зажегся красный. «Восьмерка» вылетела на разделительную полосу, но наперерез уже двинулся поток транспорта. «Восьмерка» развернулась и юркнула в переулок. Николаев шел следом. Попетляв по переулкам и дворам, они выскочили на широкую прямую улицу. Здесь Николаев достал «восьмерку», стал заходить слева.

Вдалеке послышалась сирена – вдогонку шла патрульная машина.

– Ч-черт, еще ментов не хватало! Влипли!

– Твоя идея была! Кретин! Я же говорил...

– Да выбросить ее! Он же за ней идет!

– Где? Здесь? – Боб мотнул головой на смазанную от скорости серую полосу асфальта.

– Спокойно! – крикнул загорелый. – Спокойно, я сказал! Боб, там мост будет – переезжай и вниз!..

«Восьмерка» пронеслась по мосту над железнодорожными путями, и, пронзительно визжа шинами, с заносом вошла в поворот.

– Нет! Не надо! Не-е-ет!!! – Валерка в ужасе цеплялась за сиденье, за руки парней.

Николаев ударил по тормозам, его юзом, на заклинивших колесах протащило дальше и развернуло на сто восемьдесят. Он увидел, как свернувшая под мост «восьмерка» притормозила, на ходу распахнулась дверца и упирающуюся Валерку вытолкнули на газон. Она кубарем покатилась по траве.

Николаев врубил скорость, пересек проспект и, с яростным наслаждением, до упора выжав педаль, помчался вниз, перехватывая «восьмерку» на выезде из-под моста. Когда она возникла прямо перед ним из черного провала тоннеля, Николаев успел еще заметить перекошенные страхом лица парней, изломанный в крике рот загорелого, судорожно вскинутые навстречу руки – и на полной скорости врезался в переднее крыло «восьмерки». Обе машины перевалились через бордюр и, кувыркаясь, рассыпая стекла, полетели под откос.

Плачущая Валерка, в разорванных грязных джинсах, прихрамывая, подбежала к обрыву. Машина отца стояла на колесах на крутом склоне, Николаев уже выбрался из нее и, тяжело опираясь на дверцу, смотрел вниз, где на рельсах лежала опрокинутая «восьмерка». По смятому в гармошку корпусу ее пробежали прозрачные голубые огоньки, и машина вспыхнула, вся разом. Николаев обернулся и глянул вверх, на замершую у обрыва дочь.

Отовсюду к месту аварии спешили люди, подъехала патрульная машина, за ней вторая, милиционеры бросились вниз, к пылающей «восьмерке», один остановился около Николаева и цепко взял его за локоть.

Валерка наконец очнулась. Она шагнула было вниз, к отцу, но милиционер, стоящий перед зеваками раскинув руки, перехватил ее и оттолкнул назад, в толпу.

Спас ярое око

Запрокинув большелобый детский лик, Иисус пристально смотрел в глаза склонившегося к нему человека. Человек не смотрел в глаза Спасителю, он так же пристально разглядывал золотистый фон над его плечом, трогал грубыми пальцами пурпурную ризу и поднятую для благословения тонкую руку.

За окнами гудел, не умолкая, Новый Арбат.

– Чистая семнашка, а, Бегун? – хозяин Спаса – Лева Рубль – суетился вокруг, разливал джин по стаканам. – Может, рубеж восемнадцатого. Но я думаю – семнашка.

– Да... семнадцатый... – эхом откликнулся Бегун, не отрываясь от иконы. Отодвинул стакан: – Я за рулем... Чего стоит?

– Да ладно, по двадцать грамм, символически. Ни один мент не унюхает. Обмоем Спасителя! Ты когда последний раз семнашку в руках держал, а? Нет, ты посмотри, письмо какое! Северная школа!

– Да... Северок... – согласился Бегун. – Почем ставишь?

– Пять деревень прошел – пусто! Все вымели. Я уже поворачивать хотел, а в шестой вдруг бабуля из чулана его вытаскивает! Сотню заломила. Все умные стали. Целый день бабульку поил, до полтинника опустил. Тебе за двести отдам. Представь, она из чулана задом пятится, я только изнанку вижу – думаю, начало двадцатого, и на том спасибо. А она как повернулась, веришь – чуть не заплакал...

– Шутишь, Лева, двести, – удивился Бегун. – Она все пятьсот тянет, – он понюхал икону, перевернул, осмотрел древнюю рассохшуюся доску и клинья.

– Ну, пятьсот – перебор, а за триста в момент уйдет, – сказал довольный Рубль. – Тебе по старой дружбе. Коньячку выставишь еще. Я же знаю, у тебя с деньгами напряг. Наваришь немножко... Что, с обновкой тебя? – Он занес пятерню, чтобы ударить по рукам.

– Значит, семнадцатый... – задумчиво сказал Бегун.

– Чистая семнашка! – подхватил Лева.

– Северная школа... – покачал головой Бегун.

– А сохранилась как!

– И сохранилась на удивление... – Бегун вдруг с силой рванул ногтями по иконе, прямо через Христов детский лик, сдирая краску, и с размаху сунул руку в аквариум. Меченосцы и группы прыснули в стороны.

– Ты за кого меня держишь?! – заорал он. – Я лох тебе? Ты не обознался, милый? Меня Бегун зовут! Я за досками ходил, когда ты сиську сосал! Вот твой семнадцатый! – Он сунул Левке под нос окрашенные акварелью пальцы и брезгливо вытер их о белые обои. – Тут родного письма не осталось! На Арбате неграм свою мазню толкай!

Рубль сразу скис.

– Ты что, шуток не понимаешь?...

– Шутник, твою мать! Шолом-Алейхем! Я из Кожухово перся твой новодел смотреть! – Бегун пошел к дверям.

– Ну, извини. – Лева плелся следом. – Пустой вернулся. Сам знаешь, сказки это – про бабулек с семнашками. Голые деревни. Все прочесали по сто раз. Нет больше досок в деревнях. А если что осталось – ни за какие тыщи не отдадут...

Бегун открыл старый амбарный засов на двери.

– А если и появится приличная доска – что толку! У тебя таких денег нет и не будет... – негромко добавил Лева.

Бегун остановился за порогом. Глянул на Левкину простоватую физиономию, невинно моргающие глазки за расплющенной переносицей: что-то не похожи были эти темные речи

на Леву, прозванного Рублем за то, что ради копеечного навару тащил в Москву даже самые дешевые иконы, которые порядочные досочники по древнему обычаю бросали в реку...

Бегун вернулся, задвинул засов обратно.

– Показывай.

Рубль плотно закрыл дверь комнаты, выдернул из розетки телефонный шнур, достал из шкафа ободранную хозяйственную сумку и начал выставлять на диван иконы:

– Николаша... Мамка с лялькой... Жорик... Благовест...

Бегуну показалось, что по комнате заиграли цветные блики: темные доски будто светились изнутри, сияли ризы, лучились золотые нимбы, а застывшие лики хранили тепло человеческого лица.

– Шестнадцатый, московское письмо...

– Вижу, не слепой... – досадливо отозвался Бегун. Он склонился над досками, любовно поглаживая посеченные кракелюром краски. – Слушай, Рубль, ты хоть понимаешь, что это – красиво!

– Я понимаю, почему это пойдет там на любом аукционе, – усмехнулся Лева, кивнув головой в пространство. – Тебе отдал бы за пятнадцать штук зеленых.

– Чего так дешево? – теперь уже искренне удивился Бегун.

– По старой дружбе. Пусть товарищ наварит, а я порадуюсь.

Бегун разогнулся, внимательно посмотрел на Рубля.

– Добрый ты что-то сегодня... Откуда это? Церковные?

– А тебе не все равно? Где было, там уже нет.

Бегун с сожалением последний раз обвел взглядом иконы.

– Воровать, Лева, – грех. А из храма – тем более, – сказал он. – Я никогда краденого в руки не брал и тебе не советую. Будешь ты, Рубль, гореть в геенне огненной.

– Ага. С тобой в одном котле, – сказал Левка ему вслед. – Прости, Господи! – торопливо перекрестился он на разложенные доски и принялся запихивать их обратно в драную сумку.

Бегун подъехал к школе, втиснулся на своей заслуженной «единичке» в длинный ряд иномарок, между двумя «мерседесами», сияющих полированными до зеркального блеска боками. Дюжий охранник, стоящий у ворот с рацией в руке, покосился на его некрашенный, в рыжей грунтовке капот и отвернулся, с приторной улыбкой прощаясь с разбегающейся после уроков малышкой. За фигурной кованой оградой стучали мячи, старшеклассники играли в теннис в форменных белоснежных шортах и юбочках. Тренер, полуобняв толстоногую девицу, водил ее рукой в воздухе, показывая, как встречать мяч слева, будто вальс с ней танцевал.

Бегун ждал, посматривая на ворота. Внезапно распахнулась дверца, Лариса решительно села рядом, достала сигареты из сумочки, нервно закурила.

– Я была у директора, – не здороваясь, сказала она.

Бегун нахально, откровенно разглядывал бывшую жену – пестрые кальсоны – как их там... а, легинсы, длинный свитер, модная короткая стрижка вкривь и вкось – неровные черные пряди будто зализаны на лбу. Шикарная женщина. Хотя, пожалуй, чересчур смело для сорока лет.

– Хорошо выглядите, мисс Дэвидсон. Калифорнийский загар? – он провел пальцем по загорелой щеке, Лариса досадливо дернула головой.

– Я была у директора, Беглов, – повторила она. – У тебя долг за первое полугодие. Ты до сих пор не заплатил за второе! Ты дождеешься – они выгонят Павлика посреди года, он пойдет учиться в районную школу с бандитами и малолетними проститутками!

– Это не твои проблемы.

– Это мои проблемы! Это мой сын! Я хочу, чтобы он учился в нормальной школе и жил в человеческих условиях! Ты не можешь даже заплатить за школу! А после школы он сидит один в этой вонючей коммуналке, потому что тебя никогда нет дома, и боится выйти во двор!

– Сначала ты отняла у меня квартиру, – заводясь, повысил голос Бегун, – потом забрала все, что у меня было, а теперь я же виноват!

– Я ничего не украла! Это плата мне за десять лет скотской жизни! – закричала Лариса. – За десять лет страха! Я ничего не помню из десяти лет, только страх! Страх! Что сейчас опять позвонят в дверь, – она заплакала. – А эти допросы на Лубянке по восемь часов, с грудным Павликом на руках, пока ты бегал от них по стране!

– А когда были деньги – все казалось нормально, правда? Все хорошо было... Слушай, что ты от нас хочешь? Роди себе другого и успокойся. Или твой старый козел уже не может ничего? У мистера Дэвидсона стрелка уже на полшестого? Мистер Дэвидсон очень важный, он такой важный, он – important! – с удовольствием сказал Бегун.

Лариса, зло сжав губы, ударила его по щеке.

– А хочешь, я помогу? – веселился Бегун. – Пусть он меня наймет! Я недорого возьму, по старой дружбе!

Лариса вцепилась в его щеку. Охранник у школьных ворот давно с интересом наблюдал за немой сценой в машине.

– У Джеймса кончается контракт, – Лариса бросила намокшую от слез сигарету и прикурила новую. – Мы уедем до Нового года. Учти, я без Павлика не уеду! Если ты ему добра хочешь – пусть он вырастет в цивилизованной стране, в здоровой стране, среди нормальных людей!

– Он живой человек. «Отдай – не отдам»! Пусть сам решает.

– Что он может решить! Он не видел той жизни! А ты его настраиваешь против Джеймса! И против меня!

– Ну что ты, я рассказываю ему про тебя добрые сказки, – сказал Бегун. – Ему не нужно знать, что его мама – проститутка.

Лариса снова размахнулась, но Бегун перехватил ее руку и сильно сжал:

– Хватит!.. Ведь не обязательно каждый день продаваться за сто грин – лучше один раз, но дорого...

Лариса торопливо освободила руку, вытерла слезы и выскочила из машины навстречу сыну. Павлик появился из ворот в компании одноклассников – на полголовы ниже ровесников, щуплый, ушастый.

– Привет, мам... – он поцеловал мать в щеку.

– А я за тобой, – весело сказала Лариса. – Джеймс сегодня дома, он будет рад тебя видеть. Пообедаем. Джеймс для тебя новые игры купил, целую дискету, ты таких еще не видел... – Лариса открыла дверцу «мерседеса». – Садись.

Павлик нерешительно глянул на сверкающий вишневым лаком «мерседес», потом через плечо на одноклассников, на отца – и опустил глаза.

– Папа обещал, мы сегодня рисовать будем... Я в субботу приеду, мам, как всегда... – он сел к отцу.

«Жигули» и «мерседес» одновременно сдали задом в разные стороны и на мгновение встали лоб в лоб. Лариса выкрутила руль, объехала Бегуна и, с места набрав скорость, помчалась по узкой улице. Бегун выехал на Садовое. Павлик молча сидел рядом. Потом, не глядя на отца, сказал:

– Ты только не обижайся, пап, ладно? Ты не подъезжай к школе, я лучше пешком буду ходить. Ребята смеются...

По Кожухову, забытому Богом и мэром. Бегун рулил, как на фигурном вождении – змейкой, объезжая глубокие выбоины с непросыхающей грязью. По одну сторону улицы до горизонта тянулись задворки автозавода – горы железного хлама, козловые краны, катушки с кабелем, по другую – шлакоблочные клоповники, такие же прокопченные, как заводские корпуса. За дощатым столом мужики пили пиво и забивали козла, пацаны гоняли ободраный мяч.

Посреди двора стоял джип с зеркальными окнами. Когда Бегун остановился у подъезда, из джипа вышли двое, одинаковые, как оловянные солдатики, в спортивных костюмах, черных штиблетах и белых носках.

– Ты Беглов? – выплюнув жвачку, спросил один.

– Ну? – нехотя отозвался он.

– Дмитрий Алексеевич велел заехать.

По их тупым ромам видно было, что если Дмитрий Алексеевич велел, то они доставят Бегуна коли не своим ходом, то волоком. Бегун посмотрел на сына. Тот уныло опустил стриженую голову.

– Ты же обещал, пап...

– Я скоро. Ты краски пока раскладывай. – Бегун сел в джип.

В просторной квартире Дмитрия Алексеевича от прихожей до дальней комнаты, куда сопровождали Бегуна оловянные солдатики, висели по стенам доски, деревянные церковные распятия со Спасителем в человеческий рост, коллекция металлопластики за стеклом – эмалевые кресты и складни размером от ногтя до полуметра. Светильники, мебель до последнего пufика, ручки и петли на дверях – сплошь антиквариат, даже спичечный коробок на столе – и тот в серебряной оправе. В углу сложена была изразцовая печь.

Дмитрий Алексеевич, раздобревший, с изрядным уже брюшком, не вставая, протянул руку.

– Здорово, Царевич! – нарочито громко поздоровался Бегун и уселся в кресло напротив. – Чего звал?

Царевич кивнул, и оловянные солдатики исчезли за дверью.

– А ты не знаешь? – спросил он. – Когда с долгами разбираться будем? – он выложил на столик пачку торопливых расписок. – Я жду, даже проценты не накручиваю по старой дружбе. Но надо ж совесть иметь, Бегун!

– Нет денег, Дима. Появятся – отдам, сколько смогу... Я Владимирскую обошел – двенадцать деревень, Тверскую, Архангельскую, Тулу, Вятку. Никогда столько за год не нахаживал. Рубль Новгородскую по новой прочесал – нет досок, новоделов одни. Все разграбили...

– А кто грабил? Ты же все и вычесал! А я, значит, виноват, я должен с этими бумажками вместо денег сидеть! – взмахнул Царевич расписками. – Подтереться мне ими, что ли?!

– Ты лучше посчитай, сколько ты на мне нажил! – Бегун вскочил, указал на доски по стенам. – Это мое! И это мое! Никола – мой! Праздники – мои! Эту мамку я три года выпасал – сколько ты за нее заплатил, помнишь? Я по уши в грязи лазил, а ты жопу от стула не оторвал. Я в сарае на дровах спал, а ты водку с фирмачами жрал, всех трудов – доски им в чемодан положить и до машины поднести!

– У каждого свое дело, и каждый за свое дело получает...

– На Лубянке мы с тобой по одному делу шли. И получили бы поровну!

– Ты вспомни еще, что при батюшке-царе было! Времена давно другие. Все как люди живут, – развел руками Дима. – У Пузыря три магазина в Германии, Миша Муромец банкиром стал, Леня Самовар – советник министра культуры, советует чего-то за культурные бабки. Я ведь предлагал тебе в дело со мной идти, только работать надо было, реальные бабки крутить. Так нет, ты у нас вольный художник!

– Был художником, – буркнул Бегун.

Запищал телефон на столе, тотчас включился автоответчик и елеиным голосом Димы попросил оставить информацию или номер, по которому хозяин непременно перезвонит сразу по прибытии.

– Опять я виноват... Сидел бы ты в своей Репинке, рисовал доярок и сосал лапу, – сказал Царевич, прислушиваясь к взволнованному далекому голосу, который беседовал с автоответ-

чиком о таможене и контейнерах. – Нажил я на нем!.. Ты на меня молиться должен. Ты вспомни, что ты имел! А что бабе все оставил – дураком был, дураком и помрешь.

– Иначе бы она сына не отдала.

– Это твои проблемы, – отмахнулся Дима, схватил трубку и заорал: – Мне насрать на твою таможеню, понял, насрать! Если завтра контейнеров не будет – я тебя раком поставлю! Я тебе хрен на пятаки порублю, ты меня понял?! Там полмиллиона моих денег!

Он швырнул трубку.

– Коз-зел! Одни козлы кругом, человеческих слов не понимают... Значит так, Бегун: месяц тебе сроку, делай что хочешь. Продавай комнату – штук пять грин она потянет, продай машину...

– А где я жить буду?! Я же не один...

– Это твоя головная боль. Иначе я с тобой по-другому разговаривать буду.

– Даже так? – удивленно сказал Бегун.

– А как ты хочешь? – Дима, показывая, что разговор окончен, толкнул дверь. Сидящие в холле оловянные солдатики вскочили.

Бегун стоял, глядя под ноги. Поднял голову:

– Слушай, Царевич... дай пятнадцать штук.

– Правда, обнищал, – Дима усмехнулся и вытащил бумажник.

– Пятнадцать тысяч долларов, – сказал Бегун.

Глаза Димы вспыхнули хищным блеском.

– Доски? Сильвер?

– Отдам все сразу. С процентами.

Некоторое время Дима пристально смотрел на Бегуна. Потом открыл вмонтированный в стену сейф и бросил на стол одну за другой три плотные зеленые пачки в банковской обертке.

– Смотри, Бегун! – сказал он. – Это больше, чем ты сам стоишь, вместе с твоей халупой и драндулетом. Пацаном отвечать будешь.

Бегун сунул деньги в карман и молча вышел.

– ...Святой Георгий Победоносец со змием. Третья четверть шестнадцатого века... Святой Николай-угодник. Первая четверть семнадцатого века. Школа Оружейной палаты... Богоматерь с Младенцем. Конец шестнадцатого – начало семнадцатого. Тоже Москва... – закончил Бегун. – Ну, дай Бог! – он перекрестился вслед исчезнувшим в кейсе иконам. Вопросительно глянул на Мартина.

– Я неверующий, – усмехнулся немец, альбинос с рыжими ресницами и красноватым лицом. – Я был секретарь Союза немецкой молодежи в Берлине, – он закрыл портфель на цифровой замок. Дело было закончено, он нетерпеливо оглянулся в темной комнате Бегуна с обшарпанной мебелью, собранной по знакомым.

– Теперь слушай, Мартин, – начал Бегун, – если, не дай Бог, что-то случится...

– Я купил иконы на Арбате. Продавца не знаю. Про тебя не назову, потому что преступный сговор карается больше. Статья семьдесят восемь – до десять лет с конфискация, – закончил Мартин. – Я слышу это каждый раз. Сначала молитву, а потом это... Аукцион двадцать восьмое март, другой день я получил деньги, второе апреля я с деньгами в Москве. Все.

«Единичка» Бегуна мчалась по Минской бетонке мимо голых весенних полей, черных безлистных лесов и увязших в грязи деревень с обветшалыми церквями. Бегун курил одну сигарету за другой, газовал, стараясь не упускать из виду синий фургон немецкой диппочты.

Фургон поднялся на холм и исчез за гребнем. Перевалив через гребень, Бегун ударил по тормозам: на спуске была авария, тяжелый «вольво» влетел капотом под тележку выворачивающего с проселка трактора, а следующая машина вбила ее еще глубже, так что тележка села верхом на крышу. Все были живы, слава богу, но машины перегородили трассу. Как ни при-

тормаживал Бегун, он подкатился к самому фургону. Мартин быстро глянул на него в боковое зеркало и отвернулся к напарнику.

Гаишник разбирался с пьяным трактористом – тот едва стоял на ногах и мелко пританцовывал, чтобы не упасть, но упрямо рвался оказать первую помощь пострадавшим. Второй инспектор пропускал встречные машины. Потом махнул жезлом в другую сторону.

Фургон набрал скорость и помчался, обгоняя по несколько машин сразу. Бегун шел следом, выжимая последние силы из старенького мотора, пытаясь не отставать слишком далеко. Вскоре фургон свернул на заправку. Бегун проехал мимо, за поворотом сбросил скорость, поглядывая назад в зеркало. Курьеров не было. Бегун забеспокоился, поплелся совсем уже шагом и, наконец, встал на окраине Вязьмы у табачного киоска, вышел и принялся деловито изучать небогатый ассортимент.

В стекле киоска он увидел синий фургон, тот остановился у него за спиной. Мартин, вытаскивая на ходу деньги, подбежал, купил пачку «Мальборо», тут же прикурил. Склонившись на мгновение над зажигалкой, прикрыв огонь и лицо ладонями, он в бешенстве прошипел:

– Какой черт ты тащишь за мной, как идиот! Иди назад! – и побежал обратно.

Бегун покурил в машине – и двинулся следом. Теперь он отпустил фургон так далеко, что только изредка с верхушки холма видел впереди курьеров. Когда фургон выходил из своего ряда на обгон, Бегун жался вправо, воровато прячась за попутками.

В сумерках они подъехали к таможне на белорусской границе. Фургон подкатил прямо к полосатому шлагбауму, Бегун встал в очередь машин, ожидающих досмотра. Пограничники быстро, вполглаза проверяли паспорта, таможня шмонала багажники.

К фургону подошел пограничник, взял у Мартина документы, глянул на дипломатические красные номера. Мартин протянул уже было руку за документами, но пограничник отступил на шаг и крикнул что-то в сторону КПП. Оттуда появились два офицера и штатский.

Бегун наблюдал из машины, вцепившись в руль, не замечая, что ногти впиваются в потные ладони. Он не слышал слов, но по активным жестам понимал, что пограничники требуют открыть фургон для проверки, а Мартин возмущается и грозит международным скандалом.

Пограничники вскрыли опломбированную дверь. Внезапно рядом возникли телевизионщики со светом и камерой. Штатский, стоящий чуть сбоку, чтобы не попасть в объектив, уверенно указал на один из ящиков в кузове, его открыли и начали выставлять перед камерой у колес фургона доски: Победоносца, Богоматерь, Николая-угодника...

Оцепеневший Бегун сидел в машине, все ниже склоняясь вперед, будто прячась за рулем. Сзади раздался резкий сигнал. Бегун дернулся всем телом, как от выстрела над головой, и огляделся – очередь продвинулась далеко вперед, он сдерживал колонну.

Он выкрутил руль, развернулся и медленно поехал обратно, каждую секунду ожидая окрика в спину.

Звонкий голос Павлика заученно рапортовал в коридоре:

– Папы нет дома. Когда вернется – не сказал. Если вы хотите что-нибудь ему передать, я запишу...

Бегун лежал на диване, курил, пусто глядя в потолок с желтыми потеками.

Вернулся Павлик.

– Пап, хватит курить. У меня глаза щиплет.

– Кто звонил? – не двигаясь спросил Бегун.

– Дядька какой-то. Просил тебя завтра без пяти три приехать в Министерство безопасности. Восьмой подъезд. Встречать будет Пинчук Иван Афанасьевич, – протянул он листок со своими каракулями.

– Пинчер, кто же еще, – усмехнулся Бегун. – С вещами?

– С какими вещами?

Бегун сел, загасил сигарету.

– Могли бы и машину прислать, – сказал он. Притянул к себе сына, уткнулся ему носом в стриженую макушку.

– Ты что, пап? – Павел осторожно освободился.

– Ничего. Все нормально... Ты собирайся, поедem к бабушке. Поживешь у нее несколько дней, хорошо?

Бегун в старом пиджаке, стоптанных ботинках, с обшарпанным портфелем в руке открыл тяжелые двери Лубянки. В холодном мраморном холле стоял рядом со стеклянной будкой дежурного Пинчер – седой, коротко стриженный, с брюзгливым, в глубоких складках лицом. Внешне Пинчер больше походил на бульдога-медалиста.

Бегун остановился на ступеньку ниже.

– Здравствуйте, гражданин следовательно.

– А, Беглов? – откликнулся Пинчер. – Явка с повинной?

– Я вообще не понимаю, в чем дело? Опять недоразумение какое-то... – начал было Бегун.

– Да? – равнодушно сказал Пинчер. – А чего пришел?

– Как?... – растерялся Бегун. – Сами же вызвали...

Пинчер развернул список.

– А, да-да... Это не я, это твой приятель тебя хочет видеть, из Переславского музея, – кивнул он на дверь. В холл вбежал, запыхавшись, старый приятель Бегуна Гриша Переславский, худой сорокалетний мальчик с неровной разночинской бородкой.

– Здравсте, Иван Афанасьевич, – подкатился он к Пинчеру с протянутой рукой. – Здорово, Беглов! – Он кинулся обнимать, тормошить Бегуна. – Пропал, скотина, без чекистов не найдешь! Переехал, что ли? Слушай, тут такое дело: мы через Министерство культуры у ГБ иконы выпросили, конфискованные, для музея. Надо выбрать, что поинтереснее. Я подумал: может, ты чего присоветуешь. Заодно повидаемся. Сколько – лет восемь не виделись? И тебе интересно: представляешь, в ЧК – туристом! – захохотал он.

Бегун вдруг расслабленно обмяк, не зная – то ли смеяться, то ли материть Гришку. Он обернулся к Пинчеру – тот с усмешкой наблюдал за ним.

– Так вы теперь... – начал Бегун.

– Я теперь начальник хранилища, – ответил Пинчер. – Имею я право на спокойную старость? Не до пенсии же за вами бегать... – он деловито глянул на часы. – Все собрались? Епархия здесь?

– Здесь, – откликнулись трое священников, длинноволосые, в цивильных старомодных костюмах. Бегун их не заметил поначалу.

– Третьяковка?

– Это мы, – подтянулись ближе две тетki в очках на пол-лица, сильно крашенные и чопорные – типичные кандидатки-искусствоведки, музейные злобные крысы.

– Прошу. – Пинчер первым двинулся в глубь здания.

Они спустились в подвал, – Бегун потерял счет подземным этажам, перекрытым стальными дверями, как отсеки подводной лодки, – миновали несколько внутренних постов и после очередной проверки документов дежурный лейтенант открыл наконец перед ними бронированную дверь в хранилище вещественных доказательств.

В первом зале стояли на стеллажах сотни магнитофонов всех существующих на свете фирм, от карманных плеерков до многоэтажных музыкальных центров, видеки и видеокамеры, фотоаппараты и микроволновые печи – все, что создала цивилизация для облегчения бренного человеческого бытия, – с наклеенными вкривь и вкось инвентарными номерами, сотни телевизоров отражали в погасших экранах неяркие лампы и фигуры редких здесь гостей;

в другом были собраны достижения человеческого разума в деле уничтожения себе подобных – лежали снопами сабли, шпаги и палаши – грубоватые боевые и затейливые наградные с Георгием на рукояти, с золотой и серебряной насечками, стояли в козлах инкрустированные перламутром фузеи и новенькие калашниковы, мушкеты и гранатометы, булавы и базуки;

в третьем сияли золотом на ультрамарине китайские вазы, матово светился кузнецовский фарфор, посверкивал гранями немецкий хрусталь;

в следующем громоздились друг на друге сейфы с драгоценностями, а ювелирка попроще внавал лежала в ящиках с номером дела, как в пиратских сундуках.

Наконец процессия остановилась в зале, где от пола до потолка, как дрова в поленнице, сложены были иконы...

Бегун с горящими глазами, забыв обо всем на свете, копался в залежах досок, рассматривал то в упор, то на вытянутых руках, отставлял лучшие. Рядом толклись святые отцы и третьяковские крысы, молчаливо тесня друг друга плечами, стараясь первыми схватить хорошую икону.

– Ты посмотри, а? – Бегун в восторге показал Грише доску. – «Сошествие во ад»! Палех, Гриша, чистый Палех! Я за двадцать лет такого не видел. Ведь каждый лик прописан!

– А это? – Гриша показал в ответ «Вознесение».

– Ординар! – отмахнулся Бегун. – Я десять таких тебе достану... Гриша! Ты глянь! – тут же повернулся он с новой доской. – Спас Мокрые власы! Нет, ты глянь – светится! Ей-богу, светится!

– Да куда еще! Уже пять, – указал Переславский на отставленные иконы.

– А шестая не проскочит?

– По разрядке пять: три восемнадцатого, две семнашки.

– Эх-х... – Бегун с сожалением оглядел отобранные доски, помедлил и, как от сердца отрывая, убрал «грешников» обратно на стеллаж.

Между тем епархия сцепилась с Третьяковкой. Они одновременно схватили новгородскую Богоматерь и теперь ожесточенно рвали ее друг у друга из рук.

– Я первая увидела!

– Нет, мы первые взяли!

– Я хотела взять, вы меня оттолкнули! Другим проповеди читаете, а тут толкаетесь! Я женщина, в конце концов, могли бы уступить!

– Возьмите другую!

– Сами возьмите!

– Место иконы в храме! Все растащили по запасникам, семьдесят лет таскали и здесь лучшее хватаете!

– У нас ее люди увидят!

– Это намоленная икона, на ней благодать Божья!

– Вы ее продадите вместе с благодатью, чтоб зарплату себе платить!

– Даже если продадим – это угодней Богу, чем у вас будет висеть!

И те и другие взывали к Пинчеру о справедливости. Тот не вмешивался ни в отбор досок, ни в конфликты, молча стоял в стороне, с иронической усмешкой наблюдая за сварой.

Бегун под шумок повернулся к другому стеллажу, вытащил верхнюю доску – и чуть слышно присвистнул. Даже если ошибиться лет на сто – никак не позже шестнадцатого века подписная Троица, вещь не просто редкая – уникальная. Бегун быстро оглянулся – остальные были заняты скандалом, грозящим перейти в рукопашную. Троица была примерно одного размера с уже отобранным Спасом. Бегун незаметно отодрал от обеих досок клейкие ленты с номерами и поменял местами. И тут же на его пальцы легла жесткая рука. Еще мгновение назад скупавший поодаль Пинчер ласково улыбался ему, глядя в упор ледяными глазами.

– А теперь сделай, как было, – негромко приказал он. – И запомни: коза щиплет травку там, где ее привяжут. Французская пословица...

Когда были заполнены необходимые документы, он проводил нагруженных досками посетителей до дверей хранилища – святые отцы и женщины из Третьяковки доругивались на ходу – и вызвал сопровождающего.

– А вашего консультанта я задержу на пять минут, – неожиданно сказал он Грише. – Мне тут тоже совет нужен.

Они вернулись с Бегуном под гулкие своды хранилища.

– Извините, Иван Афанасьевич, – виновато развел руками Бегун. – Сам не знаю, как это я... Бес попутал...

– Тут многих бес путает, – отмахнулся Пинчер. – У меня новые поступления – помоги атрибутировать.

– О чем разговор, Иван Афанасьевич! Для вас лично и для родного ЧК – в любое время дня и ночи... – Бегун осекся, потому что Пинчер начал выставлять со стеллажа иконы из дип-курьерского фургона.

– Ну? – Пинчер, улыбаясь, внимательно смотрел ему в глаза.

– Святой Георгий Победоносец со змием... Третья четверть шестнадцатого века. Москва... – медленно начал Бегун. – Богоматерь с Младенцем. Конец шестнадцатого – начало семнадцатого...

– Удивил ты меня, Беглов, – со вздохом перебил его Пинчер. – Я ведь тебя уважал... По долгу службы гонял и посадил бы тогда, если б смог – но уважал. Ты один с фарцовой шушерой не вязался, доски на китайские презервативы вразвес не менял. Ходил себе по деревням, не украл ни разу, бабок не обманывал. В каждом деле есть художники... И вдруг – контрабанда.

– Я же сказал – тут недоразумение... – промямлил Бегун.

– Да ты не волнуйся, я ведь уже не следователь... И Шмидт тебя не назвал как соучастника... пока...

– Я не знаю никакого Шмидта...

– Ну разумеется, – понимающе кивнул Пинчер. – Но я не о том. Просто удивил ты меня, – он отправил доски на место и кивнул: – Пойдем.

Бегун поплелся за ним. Он не понимал, к чему Пинчер устроил этот вернисаж и, главное, – удастся ли выйти на свет Божий или, не поднимая на поверхность, его подземным лабиринтом отправят в камеру.

Пинчер остановился в хранилище драгоценностей, выбрал из громадной связки ключ и открыл сейф. Достал из серебряного кубка початую бутылку коньяка. Огляделся, выбирая достойную посуду, и протянул Бегуну высокий золотой бокал, оплетенный по кругу виноградной лозой из рубинов и изумрудов, второй такой же взял себе.

– Фаберже, – сказал он. – Подарок Николая императрице к последнему Рождеству. Бесценные вещицы.

– У кого конфисковали?

– Меньше знаешь – дольше живешь, – ответил Пинчер. – Ну, со свиданьем.

Они выпили под глухими каменными сводами.

– Удивил... – опять покачал головой Пинчер. – Разбогатеть решил? Или с деньгами приперло? Ходить перестал?

– Всю осень ходил, – сказал Бегун. – Нет ничего. Вычистили всю Россию.

– Это ты зря, Беглов. Россия неисчерпаема... Просто все почему-то думают, что Россия – вот посуда, – рядом стояла чужеродная в этой сокровищнице, аляповатая, но довольно точная карта Советского Союза из полудрагоценного камня с золотой надписью «Дорогому Леониду Ильичу от имярек» – и Пинчер провел рукой по яшмовому Уральскому хребту. – А Россия –

вот она, – он двинул руку дальше, по малахитовым лесным просторам. – Сибирь! Дремучая. Нечесаная...

Бегун молчал, он не понимал, куда клонит Пинчер. А тот снова разлил коньяк по императорским бокалам.

– В Гражданскую здесь ходил отряд ЧК, по указу от 22 февраля восемнадцатого года. Знаешь такой указ?

– О конфискации церковных ценностей?

– Вот именно... Письмом тогда никто не интересовался, брали только серебряные оклады, золото. Ну а в революционном порыве иногда перегибали палку: кресты сшибали, иконами печь топили. Командовал отрядом мой дед – Пинчук Иван Лукич. Меня в его честь Иваном называли... Летом восемнадцатого он пришел в село Белоозеро. Вот сюда, – Пинчер указал точку за голубым амазонитовым Байкалом, в верховьях топазного Витима. – Говорят, богатый там храм был, хоть и в глуши. С чудотворной иконой. Местный Иерусалим. На праздники богомольцы за двести верст туда шли... А потом отряд исчез. Бесследно. Со всем конфискованным грузом. И село исчезло. То есть избы остались – люди исчезли. Скорее всего, белозерцы отбили свои святыни обратно и ушли в тайгу. Народ там крутой, белке за сто шагов пулю в глаз кладут.

– Послали бы экспедицию.

– Были экспедиции. Пустое дело. Там не экспедиция нужна, а хороший ходок. Который и разговорит, и выпьет, за вечер лучшим другом станет... Не могут же они восемьдесят лет в тайге сидеть. Должны у них быть какие-то контакты с большим миром... Вот ты и пойдешь.

Бегун отпил еще глоток, затягивая время, недоверчиво поглядывая на Пинчера.

– А вам это зачем? – наконец спросил он.

– А я, Беглов, за сорок лет своей собачьей службы – вы ведь меня Пинчером звали, а? – заработал только кипу грамот, которыми даже в сортире не подотрешь: бумага жесткая – и пенсию: с голода не сдохнешь, но и досыта не наешься. А кого я гонял, те на «мерсах» катаются. Обидно, Беглов! Привезешь доски – поделишься со стариком. Я много не возьму – всего-то процентов девяносто, – Пинчер невинно развел руками: такая, право, малость. – Заодно и про деда узнаешь. Хоть могила где?... Да и тебе лучше будет исчезнуть на какое-то время. И Рубля возьми. Он ходок еще тот, но пусть глаза не мозолит в Москве...

Бегун задумчиво смотрел на бескрайнюю малахитовую тайгу, плывущую под крылом кукурузника. Ярко зеленели верхушки сосен, на северном берегу реки, на припеке уже протаяла прошлогодняя трава, но сама река была покрыта прочным льдом, а в сумрачной глубине леса лежали не тронутые солнцем сугробы.

Тесный салон кукурузника был забит ящиками и почтовыми мешками, для Бегуна с Рублем остался только краешек скамьи у самой кабины. Левка, по уши заросший черной щетиной, мятый, с погасшими глазами, безвольно покачиваясь, бормотал в пространство:

– Букача... Думал ли ты, Лева, что тебя занесет в Букачачу? Разве можно жить в городе, который называется Букача? Если бы я родился в Букача, я удавился бы, не выходя из роддома... Интересно, как у них бабы называются – букачашки? Бегун, ты хотел бы трахнуть букачашку?

– Заткнись. Достал уже, – сказал Бегун, не отрываясь от иллюминатора.

– Я понимаю: ты влетел на пятнадцать штук, а за что я страдаю? Я мог бы пересидеть этот месяц на даче в Опалихе у девушки Тамары и не знать ничего про город Букачачу. Я не хочу больше болтаться по букачакам, я хочу лечь в свою ванну и спокойно умереть...

Первый пилот Петрович, пузатый, как языческий бог плодородия, поманил Бегуна в кабину.

– Гляди! – указал он, снижаясь к самым верхушкам. – Белоозеро! Вон само озеро, а там село.

Изогнутое серпом озерцо было замечено снегом, у кромки леса торчали коньки крыши и полусгнившая маковка деревянной церкви. Потрявоженный треском мотора, выскочил из избы тощий медведь и ломанулся в лес.

– Так восемьдесят лет пустое и стоит... Говорят, под Рождество кто-то в церкви свечи зажигает. Брешут, наверное.

– А ты тут людей не видал? – крикнул Бегун.

– Мы тут не летаем. Из-за сопки вон, – указал Петрович на невысокий горный кряж, – восходящие потоки бьют. Меня раз, как мяч, зафутболило – кувыркался, едва откренил. Тут, знаешь, какие ветры бывают? Сел как-то, роженицу взял. А взлететь не могу – ветер жмет. И время не терпит: орет уже. Так на лыжах и пилил сто пятьдесят верст по реке... На черта они тебе сдались, белозерцы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.